

КАБЕЛА КОМСОМОЛЦА МОХОВА

С овещание областного комсомольского актива подходило к концу. Все порядком устали, и когда председатель дал слово последнему оратору, секретарю комитета станицовода Мохову, в зале одобрительно захлопали.

Мохов быстро прошел к сцене, вынул из кармана блокнот и, глядя в зал, бросил:

— Первое, что мы должны сделать сегодня,— это предложить соборно помешать заниматься бумажным сравнованием...

Шумок в зале пошел на убыль. Выступление Мохова оказалось интересным. Он говорил о том, что волновало всех—о живых, конкретных делах...

А когда, закончив, возвращался под аплодисменты на свое место, услышал кем-то сказанное: «Карьеру парень делает...»

«Карьеру...» Мохов не раз слышал это слово, сказанное в его адрес порой в шутку, беззлобно, но чаще всерьез, с заметным осуждением. И всякий раз он пытался взглянуть на себя со стороны: может, они правы, может, и в самом деле есть основание говорить так — карьера? И вспоминались нелегкие разговоры с мастерами, споры до хрипоты в цеховом бюро или целина...

С целины все и началось. Целины не казастанской, правда, а волгоградской, но целина—она всегда целина.

...Поздним вечером весной 1955 года на дальнюю ферму Алешинского совхоза пришел по степной, разбухшей от мартовских вод дороге неважкий парень. Он был из здесь не раз. Уверенно ступая в темноте по брошенным в грязь доскам, переехав обгуду коровники и вышел к стойбищу посылал домику животноводов.

Народу собралось много. Парень прошел к столу, за которым сидел заведующий фермой Иван Алексеевич.

— Ждем тебя, Борис,— сказал заведующий.— Ты будешь речь держать!

— Вы своих людей лучше знаете.

— Ладно,— Иван Алексеевич встал и одернул пиджак.— Товарищи! Сегодня мы здесь собрались, чтобы провести выборы. То есть надо избрать кандидата в депутаты нашего сельского Совета...

Борис слушал оратора, и его все сильнее завладало глухое беспокойство. Сейчас Иван Алексеевич предложит соборно кандидатуру своего хозного бухгалтера, которого за глаза называли «Вьюном». Это-то и тревожило Бориса. Причина была.

Его, секретаря совхозной комсомольской организации, послал на ферму директор. «Проявись, вернем собрание»,— сказал он,— возьмишь протокол и быстрый наезд.

А спустя час после этого короткого разговора,

когда Борис собрался идти на ферму, в контору зашел завхоз Завытыч и стал жаловаться на «Вьюна». Он рассказал о таких подробностях «деятельности» бухгалтера, что Борис ажнул. Выяснилось, что «Вьюн» вместе с кладовщиками продавал по завышенным ценам масло, молоко, сливки и зерно, под видом «продовольственного обеспечения руководящего состава» давал натурой взятки директору совхоза и кому-то еще... Борис кинулся к парторгу, но тот уехал куда-то вместе с директором.

И вот теперь, слушая Ивана Алексеевича, говорившего о совхозном бухгалтере, Борис чувствовал себя очень скверно. «А может, сбрызнул завхоз!»— подумал он и услышал:

— Игак, голосуем. Кто за то, чтобы кандидатом в депутаты нашего сельсовета выдвинуть...

— Стойте!— Борис поднялся. Иван Алексеевич посмотрел на него с удалением.— Советская власть!— это... это святое. И не «Вьюну» ее представляет! Мне сегодня завхоз рассказал, как они с бухгалтером подделывали документы, торговали налево. Прядлагаю сделать ревизию, а потом... Все у меня. Фешайте.

Мгновение еще стояла тишина, словно людям нужно было осознать, что же произошло. И тогда тишина поглотила.

— А почему сам кандидат не приехал? Аль труслив!

— Совхоз из долгов не вылатит, а они орутут!— Давно пора «Вьюна» прихватить!

— Молодец комсомол!— перекрывая шум голосов, проговорил мужской бас.— Ничья правда в козырях.

— Что у нас, хороших людей нет, что ли, в совхозе? Взять хотя бы Андрея Семеновича...

Когда собрание кончилось и Борис вышел на крыльцо, Иван Алексеевич спросил:

— Останешься до утра?

— Нет, пойду в усадьбу.

Ночная степь дышала сыростью, тонкими горьковатыми запахами прелой травы. Сыпался мелкий дождь.

Степь... Целина... Думал ли Борис год назад, что станет целинником?

Год назад был Волгоградский завод тракторных деталей, на который он приехал из Горького после окончания ремесленного училища. Приехал шестнадцатилетним парнем, окуная в жизнь целье и завертелся, закутился заводские будни молодого наладчика автоматов. Когда в казастанские степи потянулись первые шельзоны добровольцев, Борис, комсорг цеха, со всей пылкостью юности бросил на собраниях призы: «Все— на освоение целины!»

Однажды после очередного собрания к нему подошел Колька, токарь из механического.

— Люблю агитаторов,— сказал он.— Все им всегда ясно. Ты, Борис, давай, подбавь: язык хорошо подвешен... Ла-ла-ла, едем на целину, в тебе, глядишь, квартиру дадут и зарплату прибавят...

То ли в нахмушку говорил это Колька, то ли всерьез— Борис не понял. Но помнит: помогал он с минуты и неожиданно для себя заявил: «Я тоже пойду!»

В совхозе Борису предложили работать в мастерской. Он не согласился: «Я целину приехал поднимать...» И стал прицелинком.

Потом сдал экзамен на механизатора и пошел водить по степи трактор. А спустя полгода комсомольцы избрали его своим комсоргом...

«...Скоро после памятного собрания Бориса призывали в армию. В день отъезда на площадь районного села ворвался грузовик с совхозными парнями и девчатами, причинчившимись проводить его, и тогда он услышал: «А «Вьюном»-то сыплет!»— понял: в жизни всегда в конечном итоге правда побеждает.

Отслужив в армии, Борис приехал в Горький. Мать, пожаловавшись на здоровье, попросила не оставлять ее одну, и Борис пошел токарем на Горьковский завод фрезерных станков.

Про комитетскую работу комсомола секретаря цехового партбюро сказал: «Что маленькая— но беда! Главное, чтобы в ней большие дела делались!»

Большие дела... А как их начать и где их найти? Вот лежит на столе план работы. Чего тут только нет! О клевских взносах, субботниках, рационализатории, наглядной агитации, шефстве. И подписи: «В. Мохов, секретарь комитета ВЛКСМ третьего механического». Все запечатрено, все дела— нужные, только назвать их почему-то хочется «мероприятиями», и люди не идут в твою «коммунитишу».

А где же больше, настоящее дело, о котором заговорили бы все молодцы?

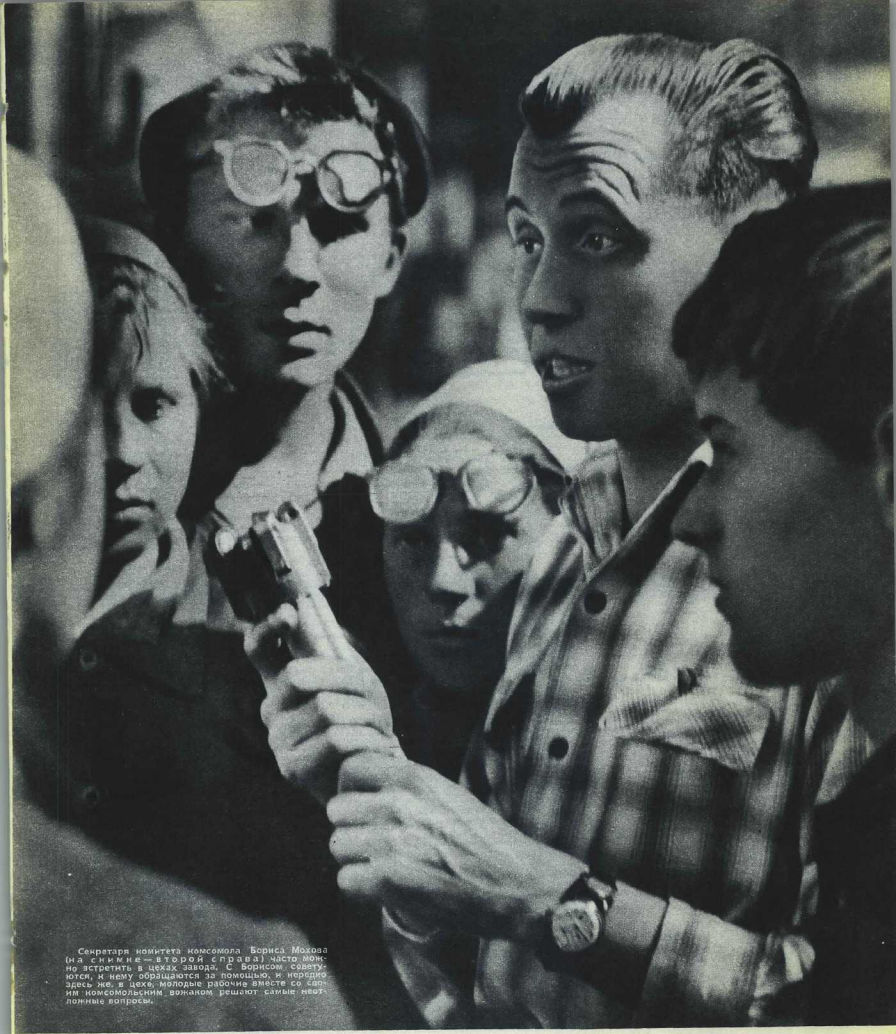
Как-то раз в камуфляж зашел Федя Алиев. Бросил на стол обходной лист и зловеще сказал:

— Подчини, секретарь. Увольняюсь.

Борис удивленно посмотрел на парня. Алиев пришел на завод из технического училища. Он любил цех ребят, с которыми жил в общинке, с которыми каждый день входил в проходную. И вот сейчас он брал расчет. Это было непонятно.

— Ты не горючись, сядь, расскажем, в чем дело!— Давитесь. Багу с трудового фронта. Хахаха с тебе? Так и запиши...— Алиев помолчал и быстро заговорил:— Неужели ты не видишь, что у Федки один штаны остались, другие не могу купить! Ты комсорг, тебе главное, чтоб «мероприятия» проходили при полной активности... Так вот, я все делано: на субботники жонги, на самодеятель-

Секретаря комитета комсомола Бориса Михова (на снимке — второй справа) часто можно встретить в чужих кварталах. С Борисом сходятся, и к нему обращаются за помощью, и нередко здесь же в дождь молодые рабочие вместе со своим комсомольским вожаком решают самые неотложные вопросы.

ВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Попиshine жнут среди живых.
Упадшие ушли, чтобы вернуться.
Во всех домах,
во всех сорах людских
несчастные шахи не разденутся.
Бьет по врагу афор,
кронштадтский упор,
как факел во врага, летит Гастелло.
Найт! —
Память не приемлет
мертвых форм
и в омунах не забронувала.
Ты слышишь это,
молодой дождик,
шагающий по площадям московским:
о чем с тобою говорит Ильич,
о чем стихи читает Маяковский?
Опыт уходит Зимний штурмовая,
словно наганы черные,
блатный, блатный.
Забить их —
это значит их предать,
стать равнодушным —
хуже, чем убийцей.
И не чуток,
не бронза,
не гранит,
которые не раз бывали живы,
а память поколений их хранит —
что почему они посмертно живы.
Склонился над пультом,
землю плугом режь,
следи,

как под резцом хрустят граниты,
и твердо помни главный наш
рубек —
через сердце идущую граниту.

И странно,
что в двадцатый твердый век
на черно-белом,
на контрастном свете
жестко-чрезмерно гибкий человек,
жестки руки тем,
подмигивает этим.
О ты, носитель розовых идей,
мне оставишь весь облик твой
конфетный.
Абстрактных защищаешь ты людей
и предаешь людей вполне

конкретных.
Цватком не защититься от дубья.
Борцы сражались,
побеждали,
гибли.
Как твердолобые ненавижу я,
так презираю
чрезмерно лбыхих.
Да будет коллца над святым путем,
горящее любовью к людям!
Иныт,
пропавших без вести,
вернем,
других,
глаза изоляющих,
забудем.

Не в сфере философских

на трудовой
и большой зылке нежат
суровой правдой,
радостью и горем
сто тысяч раз испытанный
народ.
И строгие идеи коммунизма
приобретают плоть в делах людей,
и нет на свете выше гуманизма,
и нет полнтей чинде и полней.
Давайте вспомним, как мы воевали,
за высоту края
высоту.
Отцы фашистам
пуни и абы агонили,
вспомнрую являя доброту.
Ты, наше змяя,
красной кровью брызми,
тупов равнодушие гоия.
За наше дело
отдавали жизни.
Такую щедрость
прославляю я!
А ты, солдат,
свою скрываешь рану,
в тыл,
в лазарет из боя не идешь.
Я никогда твердить не перестану:

категорий —

пусть в нас всегда живет
такая лоя.
Мы злобу пронесем с собой
до гроба
упрамо, люто,
грубо,
без прирас.
К тупому,
отмириваому злоба
пусть никогда не покидает нас.
Пускай суровой будет наша жалость,
чтоб мир освободит от боли и мии.
С пакетом предложений,
а не жалоб
пускай вступит люди
а новый мир.

О Русь,
ты есть в орловских русаках
и в астраханских яростных арбузах,
ты слышишь мне
а зайчак-русаках,
ты слышишь мне
в Рузях и Тарусах.
Я для тебя душой всегда открыт,
цветкам,
баранам
и сосновой гарн,
о тебе
мне больше говорит
по небу пролетающий Гагарин.

ности участвую, на собраниях выступаю и только одного не делаю — не работаю! Нет новичкам настоящей работы. Нет! Не доберутся нам. Понял? Я, может, тоже хочу и на Деске почета красоваться и три пары штанов иметь.

— Пустой, как это — нет работы? — А ты не знаешь? Я погода в цехе, а до сих пор без стамки, гонюет с одного на другой. Работу дают самую невменяемую: времени тратить много, а в наградах — копейки... — Алевк начал рукой. — Э, да разве я один! Нас таких навалом.

Они говорили долго. В конце концов парень поощал на брать расчета, если комсомольцы и поощал в самом деле помогать новичкам — тем, кто числится в списке вне выполняющих норму.

Однако то, что казалось немым во время разговора с Алевком, в беседах с мастерами становилось сложным, путанным и непонятным. Особенно огорчил Бориса мастер Павел Иванович. Когда Борис стал рассказывать ему о новичках, не выполняющих норму, Павел Иванович сначала улыбался, потом вдруг помрачнел и, как показалось Борису, со злостью сказал:

— Ты, парень, в самостоятельности хорошо выступал. Принято было послушать. Так и дуй дальше в том же духе. А этого дела не трожь. Нам план надо гнать. А с сопляками не вытиснить.

— Но ведь все начинали на сразу, — запротестовал Борис. — Вы поймите, ребята жалуются, и я обязан разобраться.

— Это как? Новая установка, что ли, пришли? — Вопрос о новичках серьезный. И я его до конца доведю.

— Что-то ты, парень, застрял. Карьеру себе делайшь? — сказал мастер и, уходя, добавил: — Ранний больно...

Вернувшись к себе в комнатушку, Борис мучительно думал. Почему? Ну почему так отнеслись к нему мастера? А может, он действительно выглядит карьеристом? Ходит по цеху, дает дружелюбные указания, словно начальником. На отчетном собрании, когда избрали секретарем, говорили: «Душевный парень. Верим, пойдет работа. Мозгов — человек энергичный и токарь отличный». Это ведь очень хорошо, когда тебе верят. И Федя Алевк поверил, наверное, ребятам сказал: «Не дрейфи, пацаны, комсомол поощит».

Борис посоветовался с ребятами, и комсомольцы решили пригласить мастеров на бюро. Однако мастера не пришли. «Может, нас еще скоро на заседание детского сада вызовут? — сказали. — Хватит нам совещаний и без вашего комсомольца!» «Молния», вышесная в цех, не помогла. Тогда Борис пошел к начальнику цеха.

— Читал я вашу «молнию», — сказал начальник. — Чем тебе мастера не угодили?

— Артем Никитович, вы знаете, что наша комсомольская организация может делать большие дела!

— Верю.
— Тогда или поддержите нас, или... — Борис почувствовал, что говорит что-то не то, и в нем закипала злость. — Меня даже в карьеристы записали. А я не ради себя стараюсь. Я о новеньких беспокоюсь. Что они имеют? Ничего. Все они

только пришли на завод, только в жизнь шагнули, а мы их, как бужом по голове. Им же у нас надо, корки пускать... Самы ведь жалуются, что тучка. И вот мы решили за это взяться...

— Давая-ка все обдумать по порядку.

...Заседание цехового партийного бюро напоминало сражение. Борис привел на него ребят из новеньких, тех, кто посмелев. Артем Никитович пришел с мастерами. Спорил до хрипоты. А когда поостыли немногие, выступил парторг и сказал, что комсомол прав. Его поддержал начальник. Было решено выделить несколько молодых стамков, на которых в самый короткий срок ввести ребят работать, прикрепить к ним двух опытных стамковиков, вести обучение в две смены. Так появилась в цехе своеобразная школа для новеньких. И вскоре не справляющихся с нормой выработки стало значительно меньше.

В маленькую комнату все чаще стали забегать ребята — спросить о чем-то, посоветоваться или просто так, покурить. А мастера при встрече с Борисом уважительно тхскали парторга. Прошло немного времени, и Бориса Мозгова избрали секретарем заводского комитета комсомола.

Комсорт завода. Беспонятная должность. Убодил из дому рано утром и засоряющийся поедом вечером. Даже не жидов воскресные свободны: то воскресни, то пионерский сбор, то поездка в подшефный союз, то заводские спортивные соревнования. И трудно всюду успеть. А еще труднее ответить на вопросы, которые то и дело ставят жизнь.

«Три миллиона гаек...» Эта запись в бланкете появилась давно. Она не зачернута. Ее не так-то просто зачернить, потому что это не о производстве, это о жизни и назначении в ней человека. Однажды Борис допоздна засиделся в комитете. Давно разошлись работники управления, в тултых коридорах гулко раздавались голоса уборщиц. Но неожиданно на пороге появился Володя Вуканов, один из токарей-насов этого механического, коренящийся парень с синими глазами, заяд-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 12
1963

ЕЩЕ И МНОЛОГ

Бывает так, что, глубоко любя, тебя лишь понимают узко. Горюку не только тем, что Русский я, а двойня горюку, что я советский Русский. Ведь есть еще у нас ипевицы салага, хотя у всех давно в Москве «фетеры». Все глумят так, как будто ты сера. Не ты сера, в эти люди серы! Бивали, пташки, кашки, соломы тили окошки, кошки и гармошки, как будто в небо ступиши свои мы расцвела, забросили с роговками. Великие просторы простирай и вековые потяжи озносы. Россия — не сермяжный, не кондовый — преобразивший и счастливый край!

А кто же вы такте, формалисты? Вы, о своем новаторстве трубя, сами режете, и перья, и кисти поставили на службу для себя. Никто не говорил: искать не смейте.

Народ — он наш единственный судья — любит, понимаете

и жалейте. Не злоблены вы лишь в самих себя. Мы помним классику и не забудем, что главное в их творческой судьбе — быть очень добрым, очень щедрым к людям и беспощадным к самому себе! А если бы враг вас окружил, как много раз бывало на войне, не верю я, что вы бы спросили: — Огнь по мне! Ведете вы себя хитро и вертко, доверчивых на острейшем лоя,

но идете не форму вы, а форму, и тоб из не вы кричите всем: — Вот он, я! Когда я вижу — красной мышинка, электичка горит на полотне, суть огниста, обдук мешанина вам удалется выразит вполне.

Вот хлопья ночи засыпают соли, стывают петухи на ружинке, и сосны, розоватые, как семги, бесшумно уплывают по реке. Ты кто поставлен мунгут красен, медузы набухают в темноте, на берег тихо наплывает Каспий на мелястном черном животе. В кавашки под Костромой вздыхает тесто, приходит ночь, чтоб думать и любить... Сегодня можно ошибиться честно, сегодня подло равнодушным быть. И плотник, и поэт,

и кибернетик... Двадцатый переломный сломный авк сегодня представляет на планете трудящихся, рабочий человек. Не в очереди у расчетной кассы — сведенные историей самой ведут системы, государства, классы непримиримый и последний бой. Воюют не позволяю, не поротно, и прова, сорится из незранных раи, симфонии воюют и полотна, воюют стихи, и проза, и экран. Как ни вертись — как право и навалю строит конструкции мысленных и стем, стоит перед тобой одна дилемма: Кто ты? И с кем? И явку раздвоение прозяно, нельзя безвольно по течению плыть. Сегодня очень трудно быть партийным и невозможным беспартийным быт!

льш шутник и асептик. Когда цех попал в прощры из-за длительного отсутствия металла, это он предложил заново обработать бракованные детали. Ребята добровольно остались во вторую смену и выполнили план. Он организовал в цехе концертную бригаду, ему принадлежала идея включить в план предприятия работу школьников, проходящих практику на заводе...

— Визу, свет в комитете, решил заглянуть, — ответил Володя на удивленный взгляд Бориса: — Думаю, комсорг проблемы решит... Не угадат? — Угадал. Прошу проблему, где бы стрелнуть папиросу.

На — Володя рванула пачку «Беломора» и сел на диван. — Я сегодня, Борис, на танцы не пошел, а сегодня третий час хожу по улицам и думаю, душно, душно. Сказать, о чем?

— О жизни. Поминишь у Островского: «Жизнь прожить нужно так, чтобы не было больно». — Володя замолчал, помыл в пальцах папиросу. — Да, так вот, чтобы не было больно...

— Рано или поздно наведет на нас заедат себе вопрос: что же сделал я в жизни? Ну, скажем, был я лучшим токарем, ну, всемо много лично не Дюкс почел, ну, денег много зарабатывал и средне, скажем, три миллиона гаек. Но ответ мне: неужели я родился и живу на земле только для того, чтобы сделать эти несчастные три миллиона гаек? Ведь не могу же я на каждой гайке расписаться: «Сделано Вукановым...» А я хочу так жить, чтобы люди знали: есть на земле человек, Владимир Вуканов, токер. А ты вот ко мне прибегаешь в цех и первым делом спрашиваешь: «Ну как с планом?»

В тот вечер, возвращаясь домой, Борис думал о том, как же мало он знает людей. Три миллиона гаек — и в каждой душо человека, его сердце, разум — слово, человек. И еще о том, что не в то, что вроде бы правильно, — правильно... Неуюю фразу прислали на Москву комсомольцы, те самые ребята, что приехали в Горький передать свой опыт и долго ходили по завод-

ским цехам, приглядываясь к станкам, инструменту. Прислали в подарок — опробуйте, мол, нашу новинку. Если понравится... И вот, поблескивая гранями пластин, лежала она на столе комсомольского секретаря, чьей-то похожая на гранату. Заходили в комитет ребята, девчата. Говорили о своих делах, и невольно во время разговора кто-нибудь чинит да и брал в руки фрезу, вертел так и смк, одобритивно пожимая головой: — Неплохо придумано. Скоро в цех дадут такие, а?

Борис отвечал: — Сначала надо опробовать фрезу в лаборатории, составить документацию, потом в цехе испытать...

Говорил он правильно, с ним соглашались. А уходили недовольные и словно чьей-то обвиняли. Затем пришли два друга — Николай и Сергей. Разговор был что душам.

— Ты, комсорг, фрезу нам дай, — начал Сергей. — Ты не держи ее на столе. Она в цех протиснется.

— По-вашему, я ее держук? Да? А ты знаешь, что я уже неделю хлопочу...

— Ты хлопоч... Сергей взял фрезу в руки, поглядыв... Ты хлопоч... Он не мшеват. А инструмент новый как вот как жуеи! Мы его сами испытыве. Я так думаю, этой штукой немного работать можно...

Борис сидел, насупившись, потом сказал: — Ладно, черт побери! Забирайте фрезу. Но если попомаете, влетит мне за это.

Они ушли. Борис встал, подошел к окну, рассевно посмотрел на заводской двор. «Может, ты начинаешь ошибаться, парень? Вон ребята ушли и с собой не повзали... Рассеидитесь, обидеться? А поминишь, как тогда, на цинные, после того случая на ферме причлался в районный поселок грузавик с совхозными ребятами, и они тебе хлопали по плечу и говорили добрые слова... Так идиче, парень, за Серогок...»

Около одного станка толпились рабочие, конструкторы, технологи. Сергей колдовал над фрезой. Он всталв ее в земин, включая станок...

Беспереыной лентой заскользила вниз синеватая стружка. Минута, две, пять... Свержающая истинот гоговая деталь легла на стол. Десять минут вместо тридцати!

Станочник и инженеры заулыбались: «Историчный рекорд новой комсомольцы. Доказали! Поидет в производство новый инструмент».

Когда, шумно переговариваясь, все отошли, Борис тронул Сергея за плечо:

— Ты не сердишься. Сам понимаешь, бывает... — Чего там! — согласился Сергей. — С кем не бывает...

Об эти случаих на своей недлиной пока биографии вспоминал Борис Мухом, возвращаясь после совещания комсомольского актива. Разное доводилось ему слышать о себе. Говорили — «ершистый». И еще — «насторичный». В первой говорят и такое: «Нарктеру делает...» Последнее неприятно задевало, оставляло нехороший осадок на душе.

Неужели же для личной карьеры отправился он на цинтик? Неужели для карьеры вывел на чистую воду «Вуюан»? Неужели для карьеры боролся с мастерами, оставляя права новичкам? Неужели...

Борис остановился у парашета набережной и долго-долго задумчиво смотрел на трудолюбивую реку, на уходящие за горизонт заводские дымки, потом неожиданно улыбнулся: вспоминались радостные лица совхозных ребят, кричавших с грузавица о победе над «Вуюаном», счастливые Федя Аляев, получивший-таки постоянное, интересную работу, довольный и гордый Сергей освоивший инструментную фрезу... Во всех эти радостях есть доля и его труда, его нервов. И сегодня, выступая с трибуны актива, он видел перед собой лица товарищей по заводу, от их имени и по их поручению критиковал устаревшие формы работы, чтобы было еще интересней и жить и трудиться. И если кто-нибудь считает, что это называется делать карьеру, то он, Борис Мухом, ничего против этого не имеет.

Горьковский завод фрезерных станков.

ВАОБЛАЧНЫЙ ГАЗОПРОВОД

Э. ПЕТРОВА

Фото В. МИШИНА

— Пасанаури! — переспросил дядя Гриша. — Пасанаури — это шашлык. — Крутанула руль вправо, увернулся от брызг встречной машины и опять назад. — И еще Пасанаури — это снег. Эту дорогу, геншале, я много раз знаю. Дядя Гриша — бывалый шофер из Тбилиси, и он действительно все знает. Но Пасанаури — это не только шашлык и снег в апреле. Пасанаури строит на Военно-Грузинской дороге. А вилку, на берегу Араги, зеленые агоничини строителей. Утром они уходят в Араги, пьют марзан прямо из источника и развешиваются по трассе на свои участки. Пасанаури сейчас — это прежде всего газосейчас — это прежде всего газопровод. И Мцхета — тоже газопровод. И Инчалви, и Квешети, и все, что стоит на Военно-Грузинской, — все сейчас газопровод.

Пасанаури — это взрывы, когда пробивает плитисметровой толщю скалы. Пасанаури — это споры и сомнения, меудачи и находки, потому что до сих пор газопровод в тоннелях еще никогда не улаивали.

Здесь механизмы работают в очень неустойчивом положении, под углом в сорки пять и шестидесять градусов. И экскаваторы роют землю, «подвешенные» на толстых тросах. Здесь двигатели работают на высоких оборотах и очень быстро выходят из строя трубоуладники. Здесь местные породы иной раз крепче стали гусениц. И здесь работают люди. Вот что такое Пасанаури. И Мцхета, и Инчалви, и Квешети, и Лило.

В Лило весной бульдозеры ходили по фаналкам. И у Юры Сарисина, начальника завперинного участка, личное лирическое настроение, быть может, от Филоном, а быть может, оттого, что работы

Говорят, на высоту 2 500 метров не взбирался еще ни один газопровод мира. Молодые инженеры Сергей Горшков, Виктор Великий и Борис Гадустя вполне могут считать себя первопроходцами (снимок сверху).

Трубы сваривают и укладывают в тоннель. До сих пор на строительстве газопроводов этого не делал никто. А на трассе Орджоникидзе — Тбилиси таких тоннелей шесть.

Через час трубы уже не было видно. Только отрезок ее тянулся над неспокойной Араги. Вскоре и он лег на речное дно.

В любом деле без шутки не обойтись. Слесарь Иван Голоновский в этом абсолютно убежден.

Наверное, так бывает перед боем. Минута затишья — и пойдет в наступление бульдозер. Забежав вперед, можно сказать, что Арави и на этот раз сбавит на милость победителей.

общем-то подходили к концу, и все чаще подумывалось о том, что скоро можно будет вернуться домой.

А потом пошел дождь, и было уже не до Визолов. Зашевелились оползневые участки. Вместе с Виктором, инженером по технадзору, Юра ездил по этим местам, мрачил и отдавал распоряжения: переделаты! И снова лезли вверх по крутым откосам на своих машинах смельчаки из комсомольской молодежи. Все начиналось сначала. Такая уж эта работа на труднопроходимых участках.

Вешетский спуск, 300 метров — длина, 80 сантиметров — глубина. Обыкновенная траншея. А рыхли ее 15 дней четыре бульдозера. Три стояли на площадке сверху и держали на тросах четвертый. В четвертом сидел Араз Оганесян и медленно, очень медленно двигал вниз.

Ревели бульдозеры, металась над ними голубая облачка отработавшего дыма, спускался вниз машина Оганесня, и поднимались, ослабевая тросы, те тросы, наверху. Семиды тонулись очень медленно. И очень медленно вылезали в горную породу омы бульдозера. А потом оказывалось, что слой породы, снятый им, составил всего-навсего 20—30 сантиметров. И снова тонули Оганесня вверх на тросах те тросы, что стояли на площадке. А потом опять начинался медленный спуск вниз. И так все пятнадцать дней.

До работы на газопроводе Араз четыре года был бульдозеристом в леспроезде. Томе работа, только с этой, конечно, не сравнится. Он работает, а вода желтым, глинистым газом иногда заглядывает в кабину. Ничего не поделаешь, участок трудной производительности.

Помолениями позови, вопиешь неспокойные воды быстрой Арави. Но, когда мутт дожди и вода в Арави прибывает и прибывает, тогда весь омуравацкий пейзаж воспринимается далеко не в позитическом плане. Газопровод, стиснутый горам, выметается между оползневый участками, ныряет в Арави, потом высккивает из нее на другом берегу. Он пробивает себе путь то по одну, то по другую сторону Военно-Грузинской дороги. Только на одном участке от Пасажури до Вашишти он перебрасывает эту дорогу шесть раз.

...Юра Сарисян — придирчиво и называет несколько фамилий. — Вот этого пшич и этого. Очень хороший работник. Человек тоже хороший.

А Сергей Горшков, начальник участка монтажников, стоит в стороне и ругается. Ему прислали из Армянра бумагу — грозит вычистить деньги из зарплаты. Дело, конечно, не в деньгах. Не такой Горшков парен. Дело в бюрократизм-терпеть не может. Он не стал ждать разрешения бухгалтерии и распорядился выдать деньги заблешевшему рабочему. Горшков сам повез

его в больницу, помог отправить домой, в другой город. Но не успев оформить документацию, про него говорит: — Хороший парен, этот Горшков!

...Сурово, хороший, если там, где проходит он, остается на земле нефтьперод (в Иранской черной, или мост-орасавей под Ираном), или вот здесь, на трудной трассе газопровода.

— Для тебя, наш Горшков, технадзор не нужен.

Это сказала не кто-нибудь, это сказала инспектор по технадзору. У Горшкова не было ответа на ее замечание — удобить газопровод в траншею. Здесь все впервые, и не только для Горшкова. На его опыте будет учиться. Ито-нибудь потом, всемогущий инспектор. Но сейчас Сергей меньше всего думает о теоретических выводах. Ему бы быстро и хорошо сделать эту работу.

Газопровод — мусное, суровое дело. И в пасмурную погоду и в дожде на трассе шумит механизм, и сутелется, помогают им люди. Я видел, как трубууладчин, арзевек, приподняли длинную нить провода, а бригадир Юра Петросян забрал, замаскал руками. Стоя Заминка, Подхватил, поли промощие плащ-палатки, он нисається в траншею. Потом нарывается к бульдозеру, что-то кричит. И через деслтон минут труба нановне ложится на место.

Трубууладчин пошли дальше, и опять, они поднимают трубу, и опять стоит шум и сутелется Юра. И еще часть трубы легла в траншею. А потом загудели, забырали бульдозеры, садилась земля. Через час трубы уже не было видно. И по этому месту рабочие проваили новое русло Арави. В старом, обезваденном русле забилась, заплескалась рыба.

Вечером в машине, возвращаясь домой, газовой толкуют о покойнике Ботвиннике — Петросян, о польще Иванказской газопроводной системы, которое должно замуниться с вводом в действие газопровода Брджоничидзе — Тониси, вспоминают места, где работали раньше. Поговаривают о том, куда колонну бросит потом.

Вот так всегда. Человек приходит на пустое место, наливает временный быт, выполняет порученное дело, а потом уходит. И остаются за ним линии высокого напряжения, или железнодорожные пути, или такие вот нити газопровода, по которым сплещ под большим давлением газ. И добый его человек. И загинал его в трубу тоже человек. И другой человек на другом конце трубы идет этот газ. Потому что очень нужен он людям.

Вот поэтому надево утро и судт строители в Пасажури, в Вешети, в Ялио. И древние руины быльших крепостей пустыни, глазындами смотрят сверху на то, что делают внизу неугомонные люди.

СВЯЩЕННАЯ ЯТВА РОДИНА

Это было двадцать лет тому назад на курской земле. Он сражался и пал смертью храбрых в неравном бою с фашистами. Ему тогда было двадцать лет.

Перед нами комсомольский билет № 14609182 с изображением двух орденов Красного Знамени. Он хранится под стеклом в Центральном музее Советской Армии. Поблели чернила на билете, выгорела краска, но отчетливо видна широкая надпись через весь первый лист: «Умру, но не отступлю ни шагу назад. Клянусь своей кровью. Сер (янт) Кагамлык. Ниже под этой клятвой имя героя-партизана латышской звезды».

— Зима 1943 года. Разгромил врага на волжских берегах, развивая успешное наступление, наши войска шли на запад. Командовал Григорий Кагамлык тогда отдаленным противотанковым ружьем. В Курской области, близ села Второе Никольское, есть небольшая лощина, названная местными жителями «Плацидаром Кагамлыка». Вот на этом плацидаре грудью встал перед бронированными машинами врага бесстрашный воин.

9 февраля отделение Кагамлыка удерживало рубяжи села Второе Никольское. Батальон «отдыхал» после пятидесятикилометрового марша.

Отделение Кагамлыка поддерживало небольшой пулемотный расчет. Противник неслось потери в живой силе и технике, но гитлеровское командование приказало во что бы то ни стало вернуть потерянную деревню. Враг вел в бой свежие силы. Два батальона пехоты, лыжники, семь танков, самоходки — все это двинулось на окопы отделения Кагамлыка.

Бывают в жизни минуты, когда промедление смерти подобно. Так и сейчас. Медлить было нельзя! Григорий обратился к товарищам:

— А ну-ка, ребята, дядки ми журю...

А вражеские танки все приближались к заснеженным окопам. За ними шла большая группа автоматчиков. Прижавшись к ружьям, бойцы ждали. Григорий прицелился в идущую вперед машину и выстрелил. Головной танк зазрелел и остановился.

— Есть! — радостно крикнул Кагамлык. — Никуда не уйдете, гады!

Он прицелился в другую машину. Новый выстрел второй подбитый танк остановился, огнем уменьшился, и начал вести беспорядочный огонь по своим окопам. Сервант почувствовал, что ранен. Но до раны ли было? К окопам подползла самоходная пушка. Истекая кровью, действуя одной рукой, сервант встал на поше боя. Вскоре окунутая дымом земля на поле боя и эта бронированная машина.

Был убит пулеметчик. Григорий подполз к пулемету, превозмогая боль, открыл огонь, отсекая вражескую пехоту от танка.

А враг раздался вперед. После сильной артиллерийской подготовки гитлеровцы пошли в третью атаку. Положение на участке становилось тяжелым.

— Ни шагу назад! Будем драться до последнего, — обратился Григорий к оставшимся бойцам.

Четвертое ранение Кагамлык получил в грудную клетку. Слабеющей рукой он выцелил из кармана гимнастерки комсомольский билет и написал слова клятвы.

Подоспевший батальон отбил последнюю атаку гитлеровцев.

К умиравшему Кагамлыку подбежал его товарищ, секретарь комсомольской организации Дубок.

— Гриша, друг...

— Я дрался до последнего... Прощайте... Враг не прошел.

Это были последние слова Кагамлыка.

Вот и все о том, что произошло под деревней Второе Никольское, Покыревского района, Курской области, двадцать лет назад.

Мы листам пожелтевшие страницы архивных документов, уходим все дальше в историю героя. Боевой товарищ Кагамлыка комсорг Дубок вспоминает:

«5 мая 1942 года в нашу часть пришел худощавый, жинерзодный боец. Он сменил свой трактор на ПТР. Боевое крещение Гриша принял

28 июля. В том бою он хотел встретиться с фашистскими танками, но на нас полезла пехота, все поголовно пьяные... Дряхлоброты...

Григорий ждал, а вдруг повязать танки, но когда фашисты были совсем близко, он свалил автомат и почти в упор начал расстреливать врага. У его окопа остались 50 трупов...

В затиске между бозим Кагамлык принес мне листок на ученической тетради: «Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола. Звание двести орденоносного комсомола оправдано в боях за Родину».

25 августа 1942 года мы вручали Григорию билет.

За это время Кагамлык в совершенстве овладел противотанковым ружьем, винтовкой, автоматом, пулеметом и снайперской винтовкой. Ему присвоили звание сержанта, и он обучал молодых бронебойщиков.

Так Григорий готовился к подвигу... А вот что писали о довоенных годах Григория Кагамлыка его родители Афанасий Федорович и Сергей Арсеньевич командование части, где служил их сын:

«Дорогие товарищи! Кроме Гриши, мы имеем в армии еще двух сыновей. Мы уверены, что они отстоят врагу двойной смертью за смерть брата. Мы не знаем, где, но там, в Германии, на котором, находится не меньший брат, Петя... Четыре сына и дочь у нас. Советская власть дала нам возможность всех пятерых отдать в школу. Все они хорошо учились. После школы два сына работали на транспорте, Гриша и Пята — в колхозе. Веселая и счастливая жизнь была у нас до войны. Дом наш всегда был полон молодежи, песни, музыки. Вся семья вечерами собиралась, каждый рассказывал, какие события произошли у него за день... смеял, песни, шутили... Люди уважали наших сынов, где бы они ни появлялись: они были приватливые, добродушные. Каждый стоял за всех, все за одного».

В 1940 году Миша ушел в РККА. В 1941-м ушел и Григорий.

— Не плачь, мамочка! Окончится война, снова придут мирные дни, тогда, мамочка, встречайте нас! Веселая, полная жизнь жила, всегда, всегда, всегда о большем и хорошем, не думал о смерти!

...Григория похоронили в деревне Прилпы, Покыревского района, в двадцати метрах от школы. Командование части в письме к комсомольским селам просило взять шефство над могилкой Кагамлыка. В селе Слобода-Петровка на Полтавщине колхозу присвоено имя Кагамлыка. На здании школы, в которой он учился, установлена мемориальная доска.

Память о нем вечно будет жить в сердцах советских людей. Эту мысль выразил поэт Евгений Долматовский в «Балладе о Кагамлыке»:

Ты жив, Кагамлык! Пусть проходит века,
Ты с нами, бесстрашный герой.
Назван запиской ты и страниц полка,
Вездем ты в бое ты обрел.

Каждое утро на поверке в Н-ской части первым называют имя Григория, и правдолюбивый отвечает:

Герой Советского Союза сержант Кагамлык погиб в боях за нашу Родину! Двадцать лет назад обвралась жизнь двадцатипятилетнего украинского паренька. Ему очень хотелось жить, трудиться, любить. Он был полон энергии и мечтаний. Он никогда не думал о войне. Но когда она грянула, когда над Родиной нависла смертельная опасность, Григорий, не задумываясь, встал в ряды молодых защитников социалистического Отечества — в ряды комсомольцев военного 1943 года.

А. ГАГАРИН,
Л. АСПЕЛЯН

БУДНИ Ч

РЕПОРТАЖ ИЗ ИС

Начало нынешнего лета Б. А. Анопов ознаменовал новым мировым рекордом. На вертолете «В-2» вместе с инженером Юсеем Бободжановой он показал на дистанции 100 километров скорость в 264 километра в час. Рекорд американца К. Турвея побит больше чем на тридцать километров!

С. МИХАЙЛОВ

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Недавно большая группа работников Гражданского воздушного флота была награждена орденами и медалями СССР. Десять лучшим из лучших Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда. Об одном из них — пилоте-испытателе Борисе Андрияновиче Анопове — и рассказывает в этом репортаже.

— О тайне шести миллионов? Можно и рассказать. Только лучше это почувствовать самому. Вы пойдете в испытательный... С Борисом Аноповым, — посоветовали мне в «Аэрофлоте».

Так я оказался на борту самолета «ИЛ-18» № 75768, который уходил в очередной испытательный рейс.

Полет как полет. Только на борту ни одного пассажира. Меня считать нечего, даже в полетное задание вписан в ту графу, где в обычных рейсах проставляется число чемоданов или вес ящиков с поклажей.

Уже набрали высоту. Москва осталась далеко на северо-западе. Идем на автопилоте.

В пилотской кабине — размеренная и спокойная жизнь. Диссонансом этому спокойствию парашюты. Истопы ходить в парашютах по самолету неудобно: он цепляется за кресла. Я чертыхаюсь и с опаской поглядываю на красную металлическую скобу на груди, которая почему-то называется кольцом.

Куда-то вдаль, на upholsteryющее солнце, смотрит второй пилот. Колдует со своими линейками и транспортиром, передает как-то рычажки на приборной доске штурман. Списывает в тетрадку показания приборов бортовой механики.

В левом, командирском, кресле Борис Андриянович Анопов. Он здесь самый старший. Самый опытный. Двадцать три года в авиации. С его именем связаны испытания всех самолетов, летящих ныне по воздушным дорогам страны.

Он сидит, откинувшись на спинку кресла, вроде отдыхает, читая только что привезенный мною из типографии сваяный номер «Смена». Задерживается на логических задачах. Потом рассматривает фотоочерк.

— Надо самому как следует научиться фотографировать.

И таким спокойствием веет от всей его фигуры, даже от неторопливо переворачивающихся страни-

ИСПЫТАНИЯ

ПЫТАТЕЛЬНОВОГО ПОЛЕТА

цы длинных и тонких пальцев, что я переставо думать о красной скобе на груди.

В ПОИСКЕ АВАРИИ

...Когда я впервые увидел его, он тоже читал. Не журнал — «Авт об аварии». Читал, а сухие строчки акта рисовали ему картину.

Он видел летное поле, где упал самолет. Видел кабину пилота. Четко представлял положение стрелок на всех ста циферблатах приборных досок. Гитанную стройность ангина сигнальных ламп. Ему было совершенно ясно, как произошла авария. Не знал он другого: почему? Но именно ему, Борису Анопову, предстояло теперь ответить на этот вопрос.

Именно ему надо было имитировать условия катастрофы.

Конечно, я тот полет меня не взял. Я сидел на КП и слушал, что происходит на борту аэропосадочной машины. А Борис Андрианов тем временем искал циклон. Ему нужно было обследование, и потому он выключил антиобледенительные устройства. Через час он доложил, что нарастал лед на машине и надо приступить к имитации.

На КП громко тикали часы. Анопов уже находился на заданном курсе. Постепенно он заставил машину все больше и больше охватывать закрывками, все резче и резче терять высоту. Раз за разом самолет приближался к критическим условиям рывкового полета. Пока все шло нормально: машина отлично повиновалась пилоту.

Полная имитация, — услышал я голос Бориса Андрианова.

И тут же на экране локатора светящаяся черточка, двигавшаяся горизонтально, повернулась и поплыл вверх. Самолет нырнул к земле. Угол пикирования нарастал: тридцать градусов, сорок, сорок шесть. Машина забирала все круче и круче. Восемьдесят градусов. Теперь девяносто; это значит перпендикулярно к земле.

Все было ясно. Ясно, что на штурвале машины нет нагрузок и он свободно болтается во все стороны. Что воздушный поток происходит мимо рулевой высоты и машина идет словно с обрубленной скоростью. Что Анопов стремится «взбурять» закрывки. Удается ли ему это? И если удастся, то должно пройти одиннадцать секунд, прежде чем закрывки встанут на место. Одиннадцать. Понимаете, что значит одиннадцать, если скорость падения уже за сто пятьдесят метров в секунду и машина заваливается на «спину» — угол наклона к земле теперь равнялся ста пяти градусам.

Сколько аэропосадочной машине оставалось до земли? Мы считали: пять, три, секунды... И тут из эфирки: «Нагрузка». Значит, машина обратила управление. Сколько теперь высоте самолету, чтобы от падения перейти к подему? И еще: выдержит ли Борис Андрианов гигантскую перегрузку?

Полоска на экране локатора уже ползла вверх. — Имитация закончена. Высота — четыреста пятьдесят. Разрешите посадку?

Мы инулись на летное поле. Самолет уже катился по бетонной полосе. Потом закрутил на стюки. Из открытой двери выбросили лесенку. Первым подошел к ней Генеральный Конструктор.

Анопов что-то сказал ему. Мы услышали: — ...И будет полетом поради.

Генеральный офицер Борис Андрианов, постояв машина так чуть-чуть и, ни слова не говоря, пошел к своей машине. Пронзительные слова благодарности здесь было не месту.

Каждый занялся своим делом, а Анопов пошел и диспетчеру отмечать «прибытие».

— Страшно, Борис Андрианович! — спросил я и тут же подумал: «До чего идиотский вопрос!»

— Наверху, — он взглянул на небо, — нет. Там об это просто не думаешь: нет времени. А сейчас ночь автанын. Ходить не ходят. Честное слово, у каждого после такого полета «ватные». Ведь люди мы, испытатели.

НА ЛЮБОВЫХ КУРСАХ

А наш сегодняшний полет продолжался уже шестой час. Машина дожилась на новый курс, и в тот же момент вспыхивают сигнальные лампы: «Препятствие».

— Глядя сюда, — Анопов поворачивает ко мне резной рупор эриков локатора. Из их центров перемещается на края маленькая черточка — самолет. Наши пути резко расходятся. Опасности никакой.

— Отличный прибор, — продолжает Анопов. — А в «детства» был отчаянным вруном.

Вмешивается Сережа Горшин, инженер, летчик-испытатель (сегодня он второй пилот в экипаже):

— Этому прибору диагноз болезни ставил Борис Андрианович.

— Ладно-ладно, — явно недовольный и даже покрасневший оттого, что разговор зашел о нем, ворчит со своего кресла Анопов. — Первым с этим прибором у нас летал Козлов.

— Козлов дал свои замечания, и инженеры, кое-что подправили, сказали: «Надо испытать на встрече с движущимся предметом».

«ТУ-104» и «ИЛ-18» подготовили к полету. Задание формулировалось просто: лететь навстречу, лоб в лоб. Показания приборов сверять с расчетами штурмана. Держать двустороннюю радиосвязь.

Летчики договорились, что при встрече разойдутся, развернув машины влево, и пройдут друг мимо друга правым бортом.

Машины ушли в воздух. Штурманы вызвали их на заранее обусловленные сточки.

— Теперь сходиться, — полушутка-полуерьозно проинформировал Пушкина Анопов.

— Самолеты пошли на сближение.

— Вас вижу. Расстояние — тридцать километров.

— Точно.

— Расстояние — двадцать.

— Точно.

— Пять.

Теперь оставалось проверить работу приборов в условиях предельного сближения машин. Но впереди было огромное облако.

Обе машины с разных сторон врвались в него.

— Километр.

— Точно.

Скорость сближения составляла тысячу пятьсот километров в час.

— Пятьсот метров.

— Точно. Разворот.

И тут Анопов понял, что штурманы обильны.

Пусть выше на несколько метров. Но курс «АТ» проходил чуть-чуть левее. Козлов уже подворачивал свою машину под нос «ИЛ». Взять влево? Но тогда... И все-таки, как усложнить? Борис равнял левее до отказа. Каждый, кто был в кабине, приставил со своего места. Это было невольное, подсознательное движение, ибо в белой полетной пелене облака каждый хотел увидеть мчавшийся навстречу «АТ».

Чуть не коснувшись брехом друг друга, машины разошлись.

— Тридцать метров, — сказал Анопов, будто ничего не случилось. Он даже не изменил своего положения в кресле. Волнение выдало только проступившие на висках капли пота.

— Тридцать. Точно... Пошли домой, — предложил Козлов.

И новый прибор начал служить людям.

«ТАЙНА» ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ

...Вот уже двадцать часов, как мы ушли из Москвы. Посади на заправку. Короткий отстой. И снова в небо.

— Как «Спартак» с ЦСКА сыграют? — спрашивает Анопов.

— 2:0. А вы за кого болаете?

— Секрет. Я большущих суаверный. Стоит сказать, за кого, — умою проигравать.

Разговор переходит на авиацию.

— О тайне шести миллионов! — переспрашивает меня Анопов. — Да тайн-то никакой нет. Летать, пока не откажет двигатель. И делу конец.

Зачем идем отказа? Потому что этот момент точно рассчитать невозможно, и конструктор всегда называет цифру с запасом. А знаете, что такое этот «запас»? Если правильно определить ресурс двигателя, можно увеличить сроки между их заменой: ведь пока живет самолет, ему неоднократно меняют моторы. Мы доказали, что на «ИЛ-18» и «АН-10» увеличивать сроки можно вдвое. Вот вам и шесть миллионов рублей годовой экономики.

Для испытателя работа, пожалуй, самая будничная. Но, сами понимаете, нужная.

Уже давным-давно наступила ночь. Очень хочется спать. Анопов замечает это.

— А вы пробуйте в салон. Посидите. До Москвы еще три часа.

Легку в кресле. Спать глупо. А вдруг что-нибудь интересной? Впрочем, будни. И, едва получив об этом, засыпаю.

Пробуждается оттого, что кто-то пристально смотрит на меня. Это радом с креслом стоит Виктор Козлов — штурман.

— Так восход проснись. Цветная пленка есть? Иди синяй скорей.

Солнце показало уже большую часть своего лица. Оно поднимается очень быстро. Так кажется, наверное, потому, что мы летим ему навстречу.

— Как спалось? — спрашивает Анопов.

Готов уже ответить «отлично», но в глазах Бориса Андрианова вижу лезгинку. Оглядываюсь по сторонам. Ничего особенного. Только...

— Лопастя вилы крайнего правого двигателя неподвижны. Бросается к окну.

— Не работает?

— Ресурс кончился. Зато язык! шесть миллионов не предел.

— Почему не разбудили?

— Смотреть, как останавливается в воздухе двигатель, очень вредно для нервов. Лучше наблюдать, как восходит солнце. Красное зрелище!.

Через полчаса машина, идущая на трех двигателях, садится в Москва.

Москва — Таинство — Свердловск — Омск — Москва, бор самолета «ИЛ-18» № 75768.

В мае в Москве проходило IV Всесоюзное совещание молодых писателей, создателей ЦК ВЛКСМ и Советов писателей СССР. На одном из семинаров полемической сессии были удостоены произведения В. Франко из Москвы. Ниже мы публикуем один из его рассказов.

Вл. ФРАНКО

Рисунок Ю. ВЕЧЕРСКОГО

КОГДА НАС БЫЛО ТРОЕ

РАССКАЗ

Иногда было всего трое. Только трое — до обидного мало, чтобы по-настоящему показать, кто такое моржик-северянин.

Но ведь у каждого из нас на груди выданы полосатые галстуки, на левых рукавах вшиты алмазные бушлаты одинаково красивые эмблемы минеров, а на спицах с бесконечно свисающими желто-черными ленточками гравированы. Это уже к чему-то обязывало.

— Полосатки! — вселось крикнула какая-то девушка, и тотчас же вся толпа перед управлением строительства дружно рассмеялась.

Моржик не обижался на шуточки девушки! Злость вызываемые одеяние в толстые ватники, валенки и ушанки парни. Они все до одного насмешливо осматривали нас и с ухмылками переговаривались между собой.

— Ну как, салавката, носы не пообморозили? — крикнула кто-то и опять хохот.

— Эй, полударка, скорее уши три, побелели!

— Выдали шапки? В Сибирь форс давать приехали!

Толпа подступала все ближе. Мы нервничали: нужно было что-то предпринимать. Даже обменялись взглядами, с сомнительно-желтыми глазами главстаршина Леша Забава решительно шагнула в кулак и поставила на снег чемодан.

Много ли спрашивается, нужно человеку, чтобы правильно понять друга, с которым локоть к локтю прожда четыре лучших года в своей жизни? Рука сама собой вырнула под бушлат, и пальцы надулись изогнутой привьюк ремня.

— Главное, не подпускать вплотную, — шепчу друзьям.

И вдруг третий из нас как-то очень уж странно для такого ответственного момента говорит:

— Кончай, ребята, баламутить! Иногда со Славкой такое случалось. И всегда приходило поучиться. Такой уж между нами уговор вышел: или все, или ничто. Показались друг другу перед демобилизацией не расставаться всю жизнь, и если придется возвращаться на фронт, то обязательно опять в одну команду.

Вот поэтому-то Забава тогда послушно взяла свой чемодан, а я от него тоже дернулся и снова застегнула на бушлате пуговицы. Что ж, вдохнула молча и пошла сквозь толпу в барак.

Трудно начиналась для нас «трагедия», чего уж теперь скрывать! Так трудно, что на первых же порах зашел у нас между собой серьезный разговор.

Забава, тот так и спросил напрямки:

— Когда, братишки, начнем с жорей сниматься?

— Верно, — поддержала я Аруна. — Уходить надо, какой курс брать будем?

Сидели мы после работы в общестении на койках и уныло наблюдали, как Славка тщательно лабирывая, пера карманным зеркальцем из с того ны с него отщипывала ушки.

Потом Забава с видимым смущением отключалась.

— Можешь, братишки, нам того... На Вернемов, а? Все ж ты жорей, не тайга. Как?

— Можешь — поддержи и Аруна. Славка еще раз полюбозвала в зеркальце на черные стрелочки

усов под своим носом, выдвигая из топки на палец длинную колбаску крема и, наставляв, размазав ее по лицу.

— Эх, братишки, вода, простор! — Забава совсем по-детски, мечтательно улыбаясь и с шумом втянул в себя воздух.

— И потом калмык какой! — огасилась я. — Ни жары тебе, ни пыли. Курорт!

— А подравники и в Заполярье нужны, — уверенно продолжала Забава. — Там и тут не тот, что здесь. Спальной камень. Если уж трещишь, то...

В эту минуту в дверь постучали, и Славка с поразительной стремительностью ударом ноги зашла под койку грязные сапоги.

— Можно войти?

Никто из нас не успел ответить на вопрос. Мы и после не сразу-то поняли, что произошло в нашей жизни.

— Знакомьтесь! — как ни в чем не бывало сказал Славка. — Мои друзья. Леша.

— Ой-ой! — слышном уже жалко сказала Забава и неловко протянула руку девушке.

— Ой-ой! — вскрикнула со смехом Леша. — После такого рукопожатия наше знакомство, конечно, останется незабываемым.

Забава поблаговела и больше не произнес ни слова. А Леша и постарался беснутой восприятием. Черт возьми, кажется, у меня совсем немного получилось это!

— Очень рад! — И легкий пологон.

Наверное, в самом деле неплохо. А вообще-то ни о какой радости не могло идти и речи. Это можно было моментально опреде-

лить по нашим с Забавой физиономиям. Хотя Славка небрежно и бросил, уход:

— Схожу на репетицию. Развеюсь младше.

После того случая Славка вообще старался избегать с нами разговоров. Даже в карьере, где мы под руководством бесшабашного Адаи Вани равнялись шапками мерзавцу землю для экскаваторов, наш друг с каждым днем становился все более неузнаваемым.

Ав, пожалуй, и сам я и Леша Забава тоже порядком изменились за время работы на строительстве: о недавнем прошлом, связаншем нас матросской Аружкой, только и напоминал разве что привычно отпущенные форменки и брошки, по-корябелому настиранный ворох белья в банной дню, ну и вот музыкальная верность...

Однажды по конец рабочего дня, когда бригадир помахал издали рукой и прокричал хорошую суккулентную команду: «Шабан, хошони!» — нас с Забавой окликнула Славка.

Мы молча остановились, а Славка вдруг помрачнел и глухо сказал:

— Садитесь бы некуда, кроме заперенного пылаю взрывов снега, и мы все втроем опустились на серый сугроб.

— Закурить? — тем же глухим голосом спросил Славка.

Закурить.

Одежды в широкие ватники, толстые стеганые штаны, ушанки и большие с отворотами валенки, мы уже давно не надевали на три бравых старшин-минеров в черных суконных бушлатах и лихо сдвинутых на затылки бескозырках.

Очевидно, об этом будуча каждый из нас, потому что Славка тут же несвело усмехнулся.

— Вот и все, ребята. Выходит, теперь нужно нарметво швартовать.

— Ты это о чем? — быстро спросил я. Мне ни за что не хотелось сдаваться. — Мы еще пока не совсем превратились в сухопутных крыс! Мы еще здесь лежим, черт нас побери!

— Хватит! — коротко приказал Забава.

Несколько минут прислушивались к стуку двигателя бульдозера, к резкой скрипу утяжеленных в него света дох их гусениц. В этот момент начали подползать отны костров, а из заснеженной тайги выплывали вертикальные столбы дыма.

Главым, как старший из нас по званию, встал Забава. Большие в тот памятный вечер мы ни о чем не говорили. Говорить лишнее между нами было не принято. К весне нас все-таки поехали в Прагу. К тому времени Славкушку койку с обтекателем занял мировой пацан — тоже из дембелюзовиных, но служил он где-то не в танковых войсках, но в артиллерии — одним словом, армеец, Армееца звали Шушкой.

После того, как этот армянский Шура все-таки прочно встал в наши порывистые ряды, я в минуту открытости пожалел его:

— Эх, жаль, Шушка, что не из флотских ты!

— А какая разница? — живо удивился солдат.

Как ты ему объяснил такое? Про разницу, конечно, не стоило — обиделся бы человек.

Нашему брату, понимаешь, подбаже держаться один к другому — ну как! — говорю.

— Так мы ж и так держались! Куда ни глянь, родня наша братва идет прикурить! Неважно тут в одном аэродроме сразу пятнадцать из своей связи встретил. Не узнал, сначала, черт...

Хороший Шура был парень, настоящий. А только не помнил он матросской тайги. Не знал, в какие периоды нам приходилось находиться по тем же службам, ни намека представления о морских походах, скалках берегах и уральских криках чаек; не видел он, какими мы приехали сюда, на сибирскую стройку.

Частенько бывало, мы с Забавой вспоминали все это — одинокие, никак не попутные, но до конца гордые свои характеры, ни намека представления о морских походах, скалках берегах и уральских криках чаек; не видел он, какими мы приехали сюда, на сибирскую стройку.

Однажды, уже в начале лета, когда тайга с верхотурки отгресневшей здесь заводских корпусов умильно стала напоминать нам с Забавой родное море, в клубе строительства начались смутные злобозвучившие самодельные танки.

Пришли и мы туда с другом. Выглядели как полтавцы, в лютном бальске безукоризненно по форме нащипанные, отутюженные — вай, вай! — шапки. Вспомогательные были Славка собирается выступить со своим коронным номером — «матросские яблочко».

Ну, говорить нечего, хит и жидкий человек, а в танковую часть подержал правильно! Три раза вылезая на сцену, Вмозк Славка, замысловат утратило, но не отказываясь — отбывла на совесть, пока бились на уморах.

Наконец-то мы с Забавой потужествовали себе именинниками. Толкали друг друга локтями, подмигивали, и рот у каждого — до ушей.

— Крой, Шушка! — очувственно пробасил со своего места Забава.

Но Шура не стал «кряхтеть» — он начал читать вслух, а мы, конечно, видно, понимаем, что после нас и чего «облачка» такой tower не поведет в ход.

— Дашь, Шушка!

А Шушка и не думала «давать». Шушка что-то бубнила в гуле голосов. Послышалась хлопки, захлопали и мы. Рук не жалея: все же такти своей малости, хит и армеец.

Рассказывала Шушка читала о письмах с треугольниками на конвертах, о строгом старшине, о запахе каши на привале — в зале обидительно посмеивались. Потом затихли.

Уставил подбадривать Шушку и мы с Забавой. И вот тут же услышали за своими спицами отдаленный топот сапог. Нестройный топот по пыльной дорожке. Услышав постукивание приклада карабина о пустую флажку, погрузившая в луск макорки и очутив, как земля загорелась, мы с Забавой прыгнули на асфид там не стекают соленые струйки.

Потом погрузилась мне, будто я сдала у шившего костра и от молчания от гривы, пришла персональное. Еще совсем недавно идея создания такого автомобиля была лишь мечтой молодых инженеров стогольного автозавода имени Лихачева. А сейчас необычный автомобиль уже как торжест в металле.

Специальная система подгрума «возности» узлов с грузом в пять тысяч килограммов на высоту свыше трех метров, наклонять платформу под углом до пятидесяти градусов, быстро устанавливать ее в любое промежуточное положение. Угнетая кабина самосвала оловуданная системой отопления, вентиляции и оригинальным сиденьем, высоту и положение которого и в случае необходимости можно изменить.

— Так роду сохранен будет. Может, выигранили конкурс? — усмехнулся Забава, но со своими ветками вскоре поступил точно так же.

А на стройке Лешу, Славку и меня по-прежнему продавалими знакомыми. Шушка даже написал о нас в стивензету стихворение.

Стихотворение получилось хорошее. Должно быть, слишком хорошее, потому что Забава вдруг разволновалась, сгреб на груди у Шушки нимистручку с кулак и основательно встряхнул ничего не понимающего поэта.

— Ты лучше прочти, эти стихушки броси! Волны, чайки и так всякое такое... Понимаешь?

Истуганный Шушка читательницам пылко задала поводом, правда, правда, тоже ничего не поняла. Принялся, помню, успокаивать друга, высказываясь беззвучно постраданию Шуру, а Забава несложно уламывая и побоялся нам на лямки рукой.

— Эх, хлопцы! — шумом вздохнул он. — Разве ж в ту же долю в чайки ил черных и серых шиньлях? Не, хлопцы! Не, дайте мне. Вы виднате, нам тайной гордо поднимается. Кто ж его строит, тот гордо? Кто? А ты говоришь, чайки!

Когда-то действительно так было в трое. Давно. Тогда еще вокруг нашего города темнели настоящие таежные дебри и мы в клубе до головуگیری захручивали под звуку зычного дуба. А теперь же, да, все это было. Теперь же многое изменилось здесь. Изменились, наверное, и мы сами. Но каждый из нас до сих пор остается верен своей тайге. И это, конечно, по тому, что навсегда скреплено матросскую дружбу.

Мечта облакается в металл

Мощный автомобиль подвезал в межлессодромное состояние, быстро развернул его высоко подняв кузов, ссыпал грузу прямо в вагон. Прошло немногим более трех минут, и кузов, полностью освобожденный от груза, принял первоначальное положение.

Еще совсем недавно идея создания такого автомобиля была лишь мечтой молодых инженеров стогольного автозавода имени Лихачева. А сейчас необычный автомобиль уже как торжест в металле.

Специальная система подгрума «возности» узлов с грузом в пять тысяч килограммов на высоту свыше трех метров, наклонять платформу под углом до пятидесяти градусов, быстро устанавливать ее в любое промежуточное положение. Угнетая кабина самосвала оловуданная системой отопления, вентиляции и оригинальным сиденьем, высоту и положение которого и в случае необходимости можно изменить.

Оснащенная двигателем мощностью 120 лошадиных сил, тягуще грузовой автомашин может развивать скорость до 30 километров в час.

Как мы уже назвали, новый автомобиль создан на автозаводе имени Лихачева. У молодых инженеров завода, членом молодежного областного конструкторского бюро Е. Петухина, В. Ковалева, Ю. Маренкоба и М. Мочаловича все было подчинено одной задаче — во что бы то стало создать универсальный автомашину, которую можно одинаково применять для перевозки грузов и вещей, строительных материалов и полезных ископаемых.

Их детище появилось на свет не совсем обычно — вне всяких лабораторий. Люди, создавшие invention, посвятив ей свое свободное от основной работы время.

Пройдет немного времени, и новый автомобиль выйдет на магистрали страны.

ВОТ ТО РЕЗЕРВ!

На химических заводах при вулканизации автопокрышек применяют особое приспособление — варочную камеру. Она формирует внутреннюю поверхность велосипедной «обуви». Стойкость такой камеры оставляет желать лучшего, она быстро выводит из строя. А ведь на изготовление камеры идет первоклассный натуральный каучук! К тому же замена варочной камеры — это неизбежно связано с потерей драгоценных минут — именно драгоценных, ибо в машинной цепи эти минуты следуются в часы, сутки, недели.

А нельзя ли заменить натуральный каучук синтетическим? Например, каучуком? Ведь когда можно было намерения, как говорится, убит, работающие с ним освоилили дефицитные сырье и повысить стойкость камер!

Тот такую задачу и поставили перед собой новаторы Омского шинного завода. Начались опыты. Ими руководила Татьяна Терехова, молодой инженер центральной заводской лаборатории. Тамаре помогал десятни человек молодежи. Эксперименты следовали один за другим, но долгое время результаты были малоутешительными. Втулкам оказалось на редкость труднейшим. Решили познакомиться с причинами компонентов резинового смеси. А когда удалось получить нормальную смесь, возникли новые трудности: то по причине складывания, то вследствие пузыри, то уже готовая камера становилась хрупкой, образовывались складки или появлялись свищи...

Но в конце концов труды новаторов окупились сторицей, победила настойчивость. Решили познакомиться с причинами складывания, то по причине складывания, то вследствие пузыри, то уже готовая камера становилась хрупкой, образовывались складки или появлялись свищи...

Не поспели, а свищи ДЕВЯТИСОТ сивадан! Но теперь уже варочная камера из оштулкачки! Теперь на изготовление варочной камеры идет отечественный синтетический каучук. Целевой выпуск автопокрышек с этой увеличился на двести штук!

ГЛУБОКОВОДНЫЙ ФОТОАППАРАТ

Такой аппарат сделали группы советских ученых и конструкторов. Фотоаппарат предназначен для исследований в морских рыболовстве. С его помощью фиксируется поведение рыб при встрече с орудиями лова, фотографируют дно и т. д.

С борта корабля аппарат опускается на глубины, где вместе с рыболовной снастью. В конструкцию его входит устройство электрического пуска, штурманский механизм и программный механизм. Аппарат может использоваться на больших глубинах — до тысячи метров.

Э. ДАНИЛОВА

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

До часа ночи Дима с Юркиным отчим ходили по затихшим дворам и поездам.

— Больше искать негде, — сказал отчим и повернул к своему дому.

— Да, — согласился Дима, — больше негде.

Дима не мог уснуть. Встал, оделся, подошел на всякий случай к телефону, услышал такой голос: «Не приходи!» — и опять вышел на улицу. И тут вспомнил про чердак.

В два часа ночи на чердаке страшноато. Юрка боится ходить сюда один. Если он здесь, значит, вместе с Володькой. Надо только пройти по чердаку тихо-тихо, чтобы не спугнуть.

Дима осторожно ступает по балке. Но эти предательские ночные шорохи уже спугнули пса-нов.

В самом конце чердака на бетонированном полу дотлевают красивые угли и лежат с перекрученной шеей недоципанный серый голубь. Значит, только что ребята были здесь. Все-таки здесь. А в муху уже мертв знает что мерзачилось. Зимняя ночь долгая, и неизвестно, с кем и куда можно занести ребята. Он ведь еще очень мало их знает. Всего несколько дней...

Что может поднять человека ночью с постели? Беспоконная мысль изобретателя? Внезапно мелькнувшая идея конструктора? Поэтическое озарение сикотивора? А вот комсомолец Диму Беседина, слесаря и учащегося восьмого класса школы рабочей молодежи, поднимают с постели и несет в ночь, на чердак маленького дома, беспоконный за стужей чужих детей.

— Юрка! — негромко зовет он.— Володя!

Ни шороха, ни звука. Только пыльная тишина по углам.

Впрочем, несколько дней назад на чердаке был большой шум. Дима ловил Володьку. И все-таки ушел. По пожарной лестнице. Дима толком даже не разглядел его.

А сегодня, открыв на звонок дверь, увидел рядом с Юркой маленького взъерошенного человечка, который безразлично и самостоятельно разглядывал его.

— Вот привел, — сказал Юрка и по-злойски шагнул в переднюю.

У Димы Беседина жесткие цыганские кудри и беспоконная душа. В свои дверь он готов впустить всех «трудиных» детей города.

Когда-то Дима сам был «трудиным». Четырнадцатилетнего подростка втянули в коллидное дело, и он получил пять лет с содержанием в исправительно-трудовой колонии. А потом за участие в коллидистской драке срок удлинили на год. Шесть пропавших лет. Дима не хочет, чтобы это случилось с кем-нибудь еще...

Он снял с Володьки промокшие носки и ботинки, разлил их на батарею. Предстоят серьезный разговор. Дима понимает: если бы не угроза быть отравленным в колонию, эта маленькая самостоятельность ничем не появилась бы в его квартире.

Про колонию Володька слышал уже давно, еще с тех пор, как остался на второй год в третьем классе. Но тогда его пугала только мать. А сейчас «вопрос» стоит в райисполкоме. И только он, Дима Беседин, шеф, может что-то изменить.

Володька пришел обговорить условия.

— Значит, так, — начинает Дима, — с завтрашнего дня ты идешь в школу, а колонию я беру на себя.

Подумаю, Володька согласно кивает. Он и сам сейчас верит, что будет ходить в школу. Лишь бы только не колонию.

А вечером Володьку колотила мать. При всех, на школьном дворе. Зашла с работы и покосотила. Потому что, хоть Володька и был в школе, но не уроках его не видели. Портфель лежал в парте, а он носился по коридорам.

Больше Володька в школу не ходил. И надолго исчез из дому.

Дима шел в Володькиной матери, и в нем кипела грозная, осуждающая матеря. А пришел — и разговор не получился.

Она согласна, пусть лижет ее родительских прав: ей все равно. Она согласна, пусть посядет Володьку: это крайней мере, хоть отдамур.

А в глазах слезы.

Дима растерялся, так и не нашел, что ответить. Ты можешь всем сердцем хотеть, очень хотеть, но это еще не значит, что ты можешь сделать то, что хочешь. Поэтому лежи, думай, и спи ночами. Тебе бы с лизкой хватило одного Володьку, но у тебя еще и Юрка, с которым на первый взгляд вроде бы проще. Но только на первый взгляд.

Трудно сказать, что связывает этих двух мальчишек. Юрка — четырнадцать, а он непохоже «крутой» разряд для шестиклассника — это не так уж мало. Тринадцатилетний Володька и спорту равнодушен, как равнодушен вообще ко всему, кроме кино. В кино он может сидеть весь день. Володьку мать бьет и денег на кино не дает. Юрка дома не трогает и денег дает даже больше, чем нужно... Разные ребята, но крепко связывает их одно: стойкая любовь к школе. Как же ее переобрать? Чем привлечь паренька?

...Слет турнстов в подмосковном лесу. Дима крепко него надевался. Так хотелось, чтобы его друзья поправились Юрка, и они ему действительно понравились. И на обратном пути в вагоне, где было столько песен и столько охрипших от ветра голосов, он видел, как блестяли Юркины глаза, и как он шевелил губами, пытаясь поимать слова незнакомых песен. И казалось, что Юрка уже меняется, что все теперь пойдет, как по маслу. Но на следующий день, набрав номер Юркиного телефона и спросив, что нового в школе, Дима вдруг услышал:

— А в субботу в школу не ходил. Понимаешь, Дима, ноги у меня болят сегодня.

И шеф так повесил трубку. И сел. Вчера ведь так «железно» договорились.

Да, ты можешь в два раза напряженнее думать и в три раза дольше сидеть на чердаке, поджидая ребят, все равно у тебя ничего не выйдет, потому что совсем ты не Мамакин. И Юрка с Володькой — твои невыполненные комсомольские поручения.

Есть такая установка — переростков в школе не держат. Правильная вообще-то установка. Переростки нехорошо влияют на других ребят. Только здорово бьет она по твоему подшефному Володьке. Четвертый год в третьем классе его держит никто не станет. Он и сейчас ведь только числится за третьим, а в школе чаще, чем он, бьет его мать. На работу его не устроишь: мал. Значит, выход один — колония! Но что такое колония, Дима представляет. Лучше все-таки туда не попадаться: неизвестно, с кем он так встретится и за кем пойдет.

Мы все любим делать с размахом, мы часто увлекаемся широтой. И это хорошо. Но одно этого все-таки мало. Особенно если речь идет о жизни.

Другим взмахом рук комсомольские комитеты утверждают кандидатов в индивидуальные шефы. В районах получают списки и оперативно закрепляют комсомольцев за «трудиными» детьми. Радуется комсомольские секретари. Все идет к тому, что индивидуальным шефством скоро будет охвачен каждый паренек, стоящий на учете в детской комнате милиции. По дворян ходит комсомольская, записывая отцы соседей. Беседин с детьми. Потом сдадут докладные в райком. А дальше! А дальше каждый шеф представляет самому себе. Один, как Беседин, мучительно ищет. Ищет, ищет, ищет, ищет. Другие отступают: «Не получается».

А ведь у комсомольцев есть огромное преимущество перед шефами преклонных лет. Моло-

ЗАБОТЫ ДИМЫ БЕСЕДИНА

А МОЖЕТ, «ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ»?

ВОЖАК ИЛИ ГЛАВАРЬ?

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДВЕРЕЙ И ОДИН НАЧАЛЬНИК ЖЭКА

ВНЕШНИЙ МИР

дость и неутомимость. С подшефными их сближает одно немаловажное обстоятельство — возраст. Но и беда их все в том же — в возрасте, в недостатке знаний или опыта, который может иногда заменить знания. Вот в этом-то и нужно помочь индивидуальным шефам: значит, передать опыт.

Это не простая задача. Речка идет ни больше, ни меньше, как «индустрическому всеобщему» для шефов. Нужны не временные, случайные консультации, а постоянно действующая учебная сеть при районах комсомола. Мало ли в каждом районе учителей-комсомольцев, которым можно поручить вести такие занятия!

Нужно, просто необходимо, решить этот вопрос. Потому что Володадь, несмотря на все усилия Димы Беседины, продолжает нечестно не чередать. А это может плохо кончиться, очень плохо. И для самого Володи, и для окружающих, и для всего нашего общества.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

В зал суда он входил решительно и нервно. Ковбой едва поспевал за ним. На ходу коротко улыбался знакомым ребятам. Садился на скамью за барьер и внимательно, не пропуская ни слова, следил за процессом. Судья задавал вопросы, асканивал и четко отвечал.

В Москворецком районе судили несовершеннолетних. За показаниями свидетелей, потерпевших и подсудимых вставала темная мартовская ночь.

Когда уже все страхи были позади у украденных и ребята разошлись по домам, Вита вдруг распахнулся. «Он стал вором!» Главноу, угрюмому, в подмышку, чтобы не слышала мать, шмыгал носом и, уже засмывая, поймал мелькнувшую: «А ведь не струсил! И ребята теперь будут ходить за мной. За мной!»

В тот раз специально отговаривал он в окне замаяку, выставил стекло. Влезал, оглавушившись, и за ним влезали остальные. И страх шел рядом с ребятами по темным школьным коридорам до самого радиоузла. А потом они ломали замки...

Он не помнит, таяжелый был магнитофон или нет. Только осталось ощущение торжественной победы, когда они шли, и облегчения, когда Валерки дом был уже близко.

А потом он снова плакал.

Утром Виктор подождал, пока за матерью хлопнула дверь, потом быстро вскочил с постели, чтобы не встретиться с отцом, когда он придет с ночной. Родных не хотелось видеть.

Невесело было Вите в то утро. Но везером, когда они собрались все вместе и включили магнитофон, а он стал петь им то веселые, то грустные мужикие песни, Виктор подумал, что не так уж все это плохо.

Главное, что магнитофон — его идея. И он не струсил. И все пошло за ним...

Есть честолюбивые мальчишки. Им непременно надо быть на виду. Мальчишки эти легко увлекаются. Они могут разбиться в пепелку, чтобы заработать звания чемпионов школы в спорте. Они могут получать доски за невыполненные домашние задания и неделю не гонять в футбол, чтобы стать победителями математической олимпиады в своем районе. Они очень несплошно относятся ко всему, что может сделать их первыми. В этом-то и опасность. Здесь-то и нужна умная, направляющая рука взрослого. Иначе...

Апель был на исходе. В классах во время перерыва пусто. Все на улице. Там тепло, солнечно. Но Вита не идет на улицу. Он помогает дежурному готовить к уроку реактивы. Он всегда это делает охотно. Пожалуй, химия — единственный предмет, к которому он относится с уваже-

нием. Но помогает он дежурному на бескорыстно. Дома у Виты уже лежит немалая всякая реактива, и каждый раз после дежурства он привозит еще.

Первое мая не за горами. И скоро все класс ахнет, когда взорвется в небо та самая штуковина, которую он готовит. Фаерверк будет что надо!

Но класс не ахнул. Ахнули в Витиных руках банки. Брызнула на стены гонь, дробное мелкое стекло тысячу слепящих искр кинулось в глаза, покраснели от крови руки. Первое мая Витко встретила на бальной койке.

А была в комнате, где живет Вита, выделена склад отсюда диванного аэрия. И انه показало, что следы эти не столько доказательства Витиной страсти к химии, сколько свидетельства бесстрастного отношения к интересам детей тех, кто сделал их обучение и воспитание своей профессией. Мальчишка ставит какие-то опыты — пусть его, они всегда с чем-нибудь возятся, эти мальчишки.

Ничто в школе не обратил внимания на его увлечение. Никто не поговаривал, не поговаривал записаться хотя бы в кружок при Доме пионеров. Не для того, чтобы появился, может быть, еще один химик, влюбленный в свое дело. А хотя бы для того, чтобы было что-то в виду у родителей. Чтобы не было в Витиной жизни трех дней, что просидел он на скамье подсудимых. Потому что увлечение химией — это и есть то средство, которое, если его правильно использовать, может сделать из мальчишки человека.

В зал суда входил он очень нервно, очень решительно. Бить может, именно тогда вынысаяла он честолюбивые мечты все перевернуть. Он уже знал, что домой его не отпустят, что попадет в лапы в исправительно-трудовую колонию. А в колониях свои порядки. Он уже наслушался об этом, пока сидел в тюрьме во время следствия. И он уже строил планы, как там, в колонии, все перевернуть, чтобы можно было диктовать другим свои условия, чтобы и там был первым.

Так похвальное, в общем-то, стремление — быть первым — оборачивалось постепенно угрожающим — быть главарем. Но Вита поевало. Он попал в хорошую колонию. Там был крепкий коллектив и внимательные воспитатели, и все его честолюбивые намерения пополнил, как мяльные пуляри. Но в колонии Вита все-таки стал первым. Первым в самом прямом и хорошем смысле. Это его, Вито, послали выправлять положение в отделение третьеклассников, когда там пошатнулась дисциплина. Это его, Вито, уполномочили выступить на родительской конференции от имени всех колонистов. Ему была оказана высокая честь — он стал дружинником. А потом его досрочно освободили.

Вот, собственно, и вся история. История со счастливым концом. Но все-таки лучше, если бы у нее не было начала.

Витко сейчас сидит в 10-м классе. Химия стала для него уже не просто доскким увлечением, а делом его, Витиного, будущего. Но оно, это будущее, могло бы наступить не через полгода по-

да раньше, не будь той самой мартовской ночи...

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Допрос подсудимого, как правило, начинается с одного и того же:

— Расскажите, как было дело.
И интервьюер судьи торжественно сваллет по бумагам даты и происшествиям, стараясь не отстать и не переплутать.

А в это же время по улицам просто так, от нечего делать, ходят мальчики и девочки, и если уж действительно разбираться в том, с чего началось, то начинать нужно именно с этого. А не с часа, числа и месяца, когда было совершенно преступление или была чужбина дракам.

Мы часто видим, как стоят в подъездах соседские ребята. Замолкают и ждут, пока мы пройдем. Ну, стоит себе и стоит, не дергается, а близлежащих улицах. А статистика утверждает, что большая часть преступлений совершается несовершеннолетними не там, где они учатся, и не там, где они работают, а там, где они живут, во дворах, в подъездах, на близлежащих улицах. А мы идем мимо, и нам зачастую совсем неинтересно, о чем говорят эти ребята и почему они замолкают, когда рядом оказывается взрослый.

Недавно комсомольцы Октябрьского района Москвы судили людей, преступление которых уголовным кодексом не предусмотрено, — судили равнодушных, чьи поступки породили уголовное преступление реба.

Есть лица, посмотрев в которые сразу понимаешь: тут тебе наверняка отмажут. Иногда такие лица бывают у начальников жилищно-эксплуатационных контор.

К одному из них однажды пришла ребята и попросили помочь переделать пусующий подал в молоденький дворный клуб. Они все сделали сами, своими руками, только пусть им помогут достать доски для пола. Начальник посмотрел на них так, что ребятам все стало ясно. Больше они к нему не ходили. А пошли по совету техника-смотрителя на стройку и станции двадцать шесть дварьер. Для апартаментов. А потом так же раздобыли краски и для уюта ярко раскрасили унылый подал. Конечно, милиция очень быстро разыскала провалку. Ребят из подала выгнали. Идея клубе с треском провалилась. И они снова переключались в подъезд. А потом стали приставать к прохожим. Просто так, от нечего делать.

Трудно переписать все формы общественной борьбы с преступностью: их немало. А детей все-таки еще судят и отправляют в колонию. И происходит это, видимо, по одной причине: слишком много в работе с детьми формализма и стародавнего равнодушия.

«Воспитательные мероприятия» чаще всего состоят с беседой с ребятами. А мы слушаем нотации взрослых. Им нужно живое, интересное дело. Почему начальники ЖЭОв считают, что работа с детьми не входит в круг их обязанностей? Почему пустуют иногда показания при ЖЭКах? Почему их не используют под клуб для детей? Почему строители, сдавая в срок жилой комплекс, могут уйти, не достроив спортивные сооружения, которые из проекта никто не исключал.

А ведь именно в эти — и многие другие — случаи воплощаются в наши дворы преступность. И у этих целей есть одно объединяющее их ядро: равнодушие. И если, как говорил А. С. Макаренко, воспитательный процесс происходит на каждом квадратном метре земли, то драться надо за каждый сантиметр.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

ВНЕШНИЙ МИР

Если на диком вы встретите в Москве женщину с длинной ниткой...
...и вы узнаете, что это так, значит, ей больше, вероятно...

Менщины-матери больше других тревожатся за судьбу детей. Это требует...
...за будущее всего человечества, которому империализм угрожает...

Решение созвать 24—29 июня Конгресс по столь важным проблемам...
...было принято в Берлине на сессии Совета Международной демократической...

Когда на нашу страну обрушилась гитлеровская агрессия, наши женщины...
...обратились и подруги всего мира с призывом образовать единый фронт...

НЕ ВИДАЮ СЕГОДНЯ, ГАМНЯ О НЕМ...

ЛИЛИАН ИГОИ

В первый раз ее арестовали за то, что она вместе с подругами...
...хотела купить оружие. Она была охотницей за белым. Нет, она ничего...

наконец сможет бросить слова гнева в лицо своим врагам. Ей нужна...
...карьера, прозвучала на всю страну. Она была охотницей за белым...

По улице медленно двигался эскадрон. Собственно, это был обычный военный грузовик...
...с обшаренными бортами. Машина была излучением смерти...

«...Так случилось, что Чан Тзи Ван...
...был участником войны за освобождение Китая. Он был участником войны...

демократической федерации женщин и с тех пор активно...
...присутствует в Женском Союзе матерей, сестры, жены, отдавшие...

Многие из тех, кто хотел и заслужил право выступить с московской...
...трибуны, лишены этой возможности. Мы раскладываем о женщинах, которых...

погру. Но жизнь они не в Париже, Берлине, Берлине. Эти города...
...она посетила во время своей поездки в Европу. Дома же ее обычно ждала...

Она собралась приехать в Москву, Пекине, Берлине. Эти города она посетила во время своей поездки в Европу. Дома же ее обычно ждала тюремная девица. Она собралась приехать в Москву, Пекине, Берлине. Эти города она посетила во время своей поездки в Европу. Дома же ее обычно ждала тюремная девица.

Не решась на физическую расправу с Лилиан Игой, расстрел над ней гражданскую казнь. Но Лилиан была. А миг для нее значил бороться.

Чан Тзи Ван успел схватить. Это произошло во время боя. Нет партизан удалось, но не ранено. Подлинно бумажу о том, что партизаны грабили деревни, и ты слыхивая, — узнала их лапач. Разназрелось еще кое-что: гордонские партизаны, которые Иго Динь стал создавать — совету американских экспедиционеров. Чан Тзи Ван успел схватить. Это произошло во время боя. Нет партизан удалось, но не ранено. Подлинно бумажу о том, что партизаны грабили деревни, и ты слыхивая, — узнала их лапач. Разназрелось еще кое-что: гордонские партизаны, которые Иго Динь стал создавать — совету американских экспедиционеров. Чан Тзи Ван успел схватить. Это произошло во время боя. Нет партизан удалось, но не ранено. Подлинно бумажу о том, что партизаны грабили деревни, и ты слыхивая, — узнала их лапач. Разназрелось еще кое-что: гордонские партизаны, которые Иго Динь стал создавать — совету американских экспедиционеров.

МОСКВА 24-29-1963

ИВОНА ДИАС ЛОУРЕНСО

Ей двадцать лет. Но жизнь и молодость закончилась в двадцать. Последняя ночь с половиной лет отдала своей охотничьей камере тюрьмы «Нашима» — одной из самых ужасных тюрем лагеря американской оккупации ПИДЕ. «Нашима» — голопомушка под землей. И она была замкнутой на замок в своем углу. Сюда иногда приходили заключенные. На стенах камер — плесень, а во воздухе — запах на попу ле просящего луни.

Иона хорошо знает, что никогда не останется одинокой. Борьба, которая уже многие стои- ла, была не для одной женщины. Она томится за решеткой юный поэт Бразилии, студентка Изабелла Бранко, и уже никогда не забывала о нем. Она видела, что таную же женщину жизнь ведет большинство молодежи. Тогда Ивона поняла, что путь, избранный ее родителями, — это путь, избранный и сегодняшней Португалией.

очни. «Зачем зря трогать врагов, чтобы заниматься ими? У меня заболело горло. «Зачем осматривать большое горло, если это не смертельный случай?»

Здесь все запрещается. Я меня есть не могу. Я его не вижу, не переписываюсь с ним. Это запрещено. Я связала в мешок рубашку для брата, хочу передать ему. Запрещено. Мои подруги по заключению написала для детей сказку о повете и звездах — это тоже нельзя передать. Запрещено. В письме к родным нельзя написать, что ты жива. Запрещается попытка узнать, кто сидит в соседней камере. Запрещено пить и смеяться. Запрещено работать. Запрещено жить.

Но салазаровские запреты не даются над душами таких людей, как Ислана Динас Португалия. На чужих подруги муштуют, так как муштуют, — может быть, главное наказание, которое требует сегодня жизнь от девушек Португалии.

ЗВАНЕЛЛА ДУДУМУ

Звангелли арестовали вместе со старшей дочерью, Аспасией. До этого они виделись редко, работали врозь. Аспасия в тюрьме рыдала. Теперь неразлучны уже 12 лет. Вместе сидят на суде. Аспасия часто наклонялась к матери: объяснила ей историю заключения прокурора, «чтобы председатель военного трибунала. Сама Звангелли не всегда понимала о чем говорит на суде. Она простая работница. С девяти лет на фабрике. А в тринадцать лет — первая забастовка. Там началась жизнь. Потом — участие в Сопротивлении. И вот трибунал. Ее обвиняют в предательстве, в шпионаже в пользу иностранной державы. Каное южанички! Трибунал ищет привнесения извержскому закону 375. Судья ничего не знает. Даже попутчица разумеет о пытке в асфальт Христулу Каллиани приговорили и расстреляли.

Звангелла выслушивает приговор — двадцать лет тюрьмы за измену. Ну что за плечам большая жизнь. Трудная жизнь. Но багнет много свечных и светлых дней. Аспасия тихой: ведь она только начала да свою борьбу. А еще тмелее думать матери о Юлии и свободе: слишком молоды для трибунала. Но все равно война жизнь, прохитидит у тюрьмы «Аверро». Чуть ли не каждый день они стоят у тюремных стен: не удастся ли увидеть мать?

Начальник тюрьмы хорошо изучил своих узниц. Не раз ему приходила Звангелли и себе в кабинет. Расспрашивала о детях, предлагала позависит о них, читать развлекать саниция. А потом подсовывала «диносы» — записки о жизни. Звангелла была гневна: смотрела на тюремщицу. Что говорить с ними! Разве не закон за тюремных пытки выслеса она тогда, после ареста! Неужели же она стала подыскивать себе убийцу? Если она возьмет в руки порок, то поглотит свободу другого писателя.

Недавно в Москву пришло письмо, обращенное ко всем заключенным. В нем говорится: «Подруги!

Самые рьяные, мы следим за великой борьбой вашего народа и вашего правительства за освобождение мира, подвергнувшись смертельной опасности по вине американских поджигателей войны.

Мы, чья земля и родина превращены в американские ракетную базу, знаем очень хорошо, что борьба за мир — это борьба за нашу жизнь и смерти. Хотя мы и находимся в заточении, но чувствуем себя рядом с вами, а также великой и слабой армии борющейся за мир. Будем готовы отдать все свои силы ради этой цели.

Самые родные наши подруги! Сила вашей Родины и вашего народа, который неустойчиво борется за мир и свободу, — это великая жизнь на земле, помогает всем народом мира в борьбе. Сила вашей Родины — это наша жизнь».

Под письмом четырнадцать подписей узниц тюрьмы «Аверро». Среди них имена Звангелли Аспасия Дудуми.

Час в чудесном доме

Еще в Москве за несколько дней до поездки в Заполярье в наших блогах появились адреса и фамилии людей, с которыми нам советовали встретиться. Тут были и бывший экстрадный администратор, ставший бурьничком, и металлурги-новаторы, и поэты, и знаменитый коллекционер, и даже директор плавильного бассейна. Многообразие профессий, характеров и судьбы...

Когда до Норильска оставалось лететь час полтора, в салон вышел командир корабля. Повиноврассовавшись, как чувствуют себя пассажиры, и взяв газету, он устроился в кресле, повелевавшем радом с нами. Но почитать ему не удалось: Александру Матвеевичу Аверкину пришлось отвечать на множество наших вопросов. Последнее время он летает на Севере, а до того работал на африканских авиалиниях. Тысячи часов провел в воздухе над тропиками. На борту его корабля летали самые разные пассажиры, даже ламочки, торпировались в Мекку!

— А в Норильск!
— Что в Норильск! Паломники! — Аверкин расхохотался. — Что не было, того не было. Но вот целый меморанд железных кубиков. Помнитесь, Волков его фамилия. Владимир Игоревич Волков.

В этот момент бортмеханик позвал Аверкина в пилотский кабинет. А мы решили, что обязательно разведем странного Волкова. Что ни говори, а полный набор железных кубиков возит далеко не каждый пассажир «Аэрофлота».

Начальник отдела комплексной механизации и автоматизации Норильского горнометаллургического комбината В. И. Волков оказался человеком необычного роста, лет сорока. На нем была традиционная в этих местах кожаная куртка, изпод которой виднелся болоньевский рубашка с жидким галстуком. Смотрел он сквозь толстые стекла очков вопрошающе, изумленно: что вас интересует? Ага! Автоматика... И заговорил. Об автоматизации, телемеханике, вычислительной технике. Слыла называния машины: «Урал», «Минск», «Цинь». Давал им характеристики. Как-то уругал, какие-то хвалил. И они виделись нам в совершенно неведомом ранее, «очеловеченном» свете. Менялись наше представление о машинах, и с каждой минутой менялся сам Волков.

Он уже казался не местным инженером, а веселым и задорным комсомолец.

— Смотрите сюда, — сказал Волков. Он взял со стеллажа лист ватмана. — Видите площадки? Сейчас передем ее. Вот это здание — Дом автоматизации. Шагате смелее.

Мы подошли к огромным стеклянным дверям. Они открылись сами по себе, пропуская нас в холл. Цели атаки. Альме огоньки гловидки вспыхивали вдоль стен.

— Посмотрите систему управления работой рудника! — спросил Волков и, не дожидаясь ответа, шагнул на движущуюся ленту эскалатора. Мы поднялись на третий этаж.

На голубоватых телевизионных экранах видны «Северный» и «Медвежий ручей» и новые рудники, появившиеся совсем недавно. Оператор наблюдает за работой автоматических экскаваторов и подземных комбайнов, за движением эленторозов и огромных самосвалов. Под часами вспыхивают еще новые и новые цифры. Это показатели добычи руды: тонны, проценты выполнения часового графика.

В следующем зале вычислительные машины — козавая телемеханика на автоматизированных фабриках и заводчат комбината. Они выбирают оптимальные режимы и тотчас выдают команды. То и дело загоралось табло: «Плавка начата», «Плавка закончена»...

Волков свернул атлантский лифт. — Думаете, фантастика!

Он потянул нас из своего кабинета вниз по лестнице. Мы перебрались площадки и вошли в подвал большого здания. Остолбенели перед массивными дверями.

— Это я, Волков, — сказал Владимир Игоревич «никуда».

«Входите», — загорелось табло. Дверь открылась сама по себе, пропуская нас в холл. Правда, здесь не было ни пола, ни алых огоньков гловидки, ни самодвижущихся лестниц. Но... Это огромный зал занимает дикийный центр серо-стального цвета, на котором уместились яркие желто-красные схемы электрических подстанций комбината.

— Вот вам и «фантастика!» — сказал Волков. — Это центральная диспетчерская энергосистемы. Так сказать, кирпичик будущего Дома автоматизации. И таких «кирпичиков» уже много. Взять хотя бы работу автотранспорта.

...Обыкновенный грузовой. Под его кузовом неболышая слоистая пластинка — секция — из же-

лез и меди. Если облудить пластинку изопломом кобальта, то луч, пройдя ее, отклонится на определенный угол. А если под куском будет не одна пластинка, а две? Направление луча изменится.

Дальше все просто. На каждой машине «свое» количество свечей. А на контрольном пункте, скажем, на весах, установлен «свой» для каждой машины фиксатор. Принимая сигнал, он включает весы и часы. На перфораторе выбивается время прибытия грузовой, его вес. Вычислительная машина подсчитает, сколько автомобилей находилось в пути под погрузкой и выгрузкой, его «копьесть» пробаги...

А вот еще «иринский» будущий, — продолжает рассказывать Волков. — В добываемой руде содержится металл неодимовое. А нам нужна одиородная шхита. Чтобы сделать ее такой, руду обогащают. Но как сделать это наилучшим способом — быстрее, без лишнего затрат? Чтобы решить это, нужно учесть тысячу условий, влияющих на процесс. Их число равно двум в двадцать второй степени! Представляете? Разве человек способен в течение считанных минут объективно решить задачу с такими числами? Это под силу только машине. А задачи оптимального планирования маршрутов перевозок или режимов работы теплоцентралей. Будь вы хоть Эйнштейном, и то не справитесь. Нужны электронные помощники. И они уже есть у нас. Вы их еще увидите...

Мы вспоминаем о кубиках, которые Волков вез в Норильск. Он точас достает один из них, прямо из кармана. Кубик маленький — как две спичечные коробки.

— Ячейка специального устройства для сигнализации и контроля. Кому нужно устройство? Диспетчерам. Ведь они получают такой огромный поток информации, что уследить за ней очень трудно. Это их верный помощник.

Волков раскручивает кубик. Внутри он полевой. В чреве толсто диффрагма да контакты.

Далее простейшая. На контрольном агрегате установлен датчик. Если агрегат работает нормально, «кубик» «безмолвствует». Стоит изменить режиму, диффрагма точас сдвинется, замкнет контакты. Диспетчер получит сигнал. Очень удобная штука.

Разговор заходит о ближайших перспективах автоматизации комбината.

— Хотим забраться во все сферы: и в управление технологическими операциями, и в решение задач по экономике, статистике, расчетам, считать на машинах профнели комбината. Правда, перспективы здесь не очень лучезарны. Новое дело, предстоит новые требования. Новые формы работы. Ведь прежде чем машина сможет «думать», в нее надо заложить исходные данные. На языке экономистов они называются денными первичного учета. Но существующая система этого учета настолько архаична, что вписать первичные данные в машину пока что попросту невозможно. Грубо говоря, не опустить же в аппаратуру толстую бухгалтерскую книгу!

— Теску я на вас зря нагоню... Волков вдруг оживляется, становится таким, казвкн был в первый час нашей беседы: веселым, задорным, чуть-чуть шумным... Но, как говорит кубичек: Родина или смерть. Мы победили! Это точно. В чем залог? Да в том, что в последние годы здесь появились молодые руки... Мы обязательно побываем на ВЦ.

Жизнь на севере Ирм

В институте атомной энергии получена устойчивая плазма... Все шире развивается под Красноярском новое море...

В потоке ежедневных новостей Ирм неизменно выделает себя норильские как особенно интересные, близкие. Вообще три у нас здесь «своих» города. Разное, куда шлет она письма родным, Львов — там учился Ирм, и вот этот, заполярный, самый «свой», потому что здесь началось все не наиболее важное — работа, самостоятельная жизнь.

Многое знает Ирм. Но лучше всего она знает математику. Вполне естественно: Ирм — математик. И работает на машинно-счетной станции комбината.

Станция находится на «Макаронке». Кому первому пришло в голову так окрестить это место, никто не знает. Да это и не столь важно. Сама по себе станция — фактор не новый, и не ей обзвине «Макаронка» там, что привлекает внимание на-

Пробует еще минуту, и машина начнет «думать» по программе, составленной Ирмой Дудкиной. (На снимке слева — слеза: Лена Митяев, Гали Друбачевская, Саша Слесичев не просто «болеют».) Они — консультанты.

рильчан своеобразным налетом романтики, танцизмом формул и цифр. Всем известно, что надо засадить за арифмометр и счеты сотни людей, чтобы, например, продать все операции, связанные с выплатой зарплаты индустриальному коллективу комбината. Когда-то так оно и было. А теперь кропотливую работу бухгалтеров и счетоводов выполняют счетные машины. И к этому все уже давно привыкли. Даже домохозяйки. За электричеством, за воду и прочие коммунальные услуги они платят по счетам, «выписанным» на той же машинно-счетной станции.

«Макаронка» обрела новый дуг недавно, примерно год назад. Именно год назад приземлился в Норильск обычный рейсовый самолет. Сошла с него вместе с другими пассажирами высокая чернокопая девушка. Получила свой неизвирный багаж и спросила:

— Как проехать на ВЦ?

— Не знаю, — пожалла плечами дежурная. — Не знали и другие. Бессильным оказалось и справочное бюро. Ни о каком вычислительном центре норильчане попросту не имели понятия. Но Ирма все-таки нашла его. Вернее, открыла. На «Макаронке». До того там было только царство операторов. А Ирм — программист. Что делать программисту среди операторов? Программисты — это уже область кибернетики...

Можно сказать, что переступила порог дома на «Макаронке», Ирм вдохнула в этот дом новую жизнь.

Конечно, она сделала это не одна. Почти одновременно с ней приехали еще семь программистов. Целая группа.

Но и это не все. Прибыли добротно упакованные контейнеры с пометкой «Осторожно, не касаться». А в них серияная электронно-вычислительная машина типа «Минск». Приехали и специалисты по монтажу.

И машинно-счетная станция перестала быть просто станцией. Хотя ее по старой памяти все еще называют прежним именем, она уже ВЦ. И любой норильчанин сейчас не делает больших любий «своей», как туда проехать. «Вычислительный центр!» Да это же на «Макаронке!» Будет в этих словах удивление совсем другого ро-

да: «Неужто не знаете?» И еще будет гордость: «Заполярье, тундра — и вычислительный центр. Чувствуете! Наш! Самый северный на всем свете!»

Вот что сделала с обыкновенной машинно-счетной станцией Ирм. И еще семь программистов. И электронно-вычислительная машина типа «Минск». И монтажники.

Все они отлично понимают и смысл этой метафоры и то, что она дело их рук. Даже машина понимает. Ведь она в отличие от всех своих соседей «думает».

Не будем отнимать у Ирмы и ее друзей родильских прав на Норильский ВЦ. Заслуженные это права. Но если посмотреть на дело шире, то, конечно же, своим превращением в вычислительный центр заполярная машинно-счетная станция обзвине бурному росту технического прогресса

Чертеж века назад Павла Акдревича Геворгоу управляет единственным в Норильске генератором в 30 киловатт. Сейчас в руках старшего диспетчера энергосистемы вся электрическая мощь заполярного города — сотни тысяч киловатт.

в стране. Он происходит повсюду. И это не могло не коснуться Норильского горнометаллургического комбината, хоть и находится он за тридевять земель от признанных научно-технических центров. Непрерывно развивающиеся, усложняющиеся производства требуют активизации инженерной мысли. А условия уже таковы, что добиться этого без помощи электронно-вычислительной техники невозможно.

И вот в Норильске Ирма — «честный» математик. Ее знания нужны, чтобы «линьская» начал думать, производить точные инженерные расчеты. Это не первые порох. А дальше к нему за помощью придут экономисты, придут плавильщики. А еще дальше появятся у него соборы усиленные, паразитические и возмутят на себя расчеты еще более сложных задач. Во всех сферах производства будет развиваться автоматика и телемеханика. Глобус, произойдет то, о чем рассказывает нам Владимир Волков.

Как «линьская», так и сама Ирма и семья ее коллег — лишь первая реальное зрение в огромных планах мощного вторжения математики и электроники в производство.

Работая в группе подобранных талантов, как каждый раз в двадцать утра Ирма влетает в комнату программистов сломя голову, словно опаздывая на первое свидание. Влетает к «своим». Это и цифры, и формулы, и расчеты и голоса, и лица. Вот Лева Интуев, всегда спокойный, несколько даже флегматичный увалень, а в общем, добрый, славный Лева. Москвич...

Как-то зашли к ним на ВЦ двое. В командировку приехали из столицы. Неприятные танды. С фисоном. «Ну, как живете? Морозиче тут у вас. Тундра... И него, собственно, потянуло вас в глушь, на Север? Ара Спесивцева (боевая Райка) такой была она всегда, еще в те годы, когда учились, они с Ирой в университете, во Львове) даже обиделась: «Ну и пусть мороз! Мы их не замечаем. Интерес работаю». «А потом», — вставил Саша Спесивцев (как поженится он с Райк, Сашка стал ужасно серьезный!) — что же нам, под родительским крыльшком сидеть? Пора быть самостоятельными...»

А Игорь Знамский даже разговаривать не стал. Вышел, хлопнул дверью. Потом правда, вернулся. И на лице у него было написано: «Ходит тут всякий! Вопросы глупые задают...» Игорь не любит, когда кто-то старается корчить из себя что-то особое. Ирме тоже захотелось немного оседать эти призраки:

— Когда было распределение, нам предлагали Дубну и Саратов, и Свердловск. А мы взяли и сюда махнули.

— Неужто от Дубны отказались?

— А что, Норильск — хороший город! Комбинат здесь какой ВЦ разворачивается. Простор для научной работы...

И вот тут Лева вынул номер. Сидел, слушал, слушал, а потом не утерпел и говорит:

— Ну, кажется, все перечислили. Теперь надо

самое что ни на есть «главное» сказать. Понимаешь, уважливый, платят здесь зарплату. Полярный! Опять же надбавка ежегодная... Из-за денег и поехали...

Те двое посмотрели на него ошарашено и быстро ретировались. Так и не зная Ирму, поняли они, что Лева попросту подшутил над ними, или нет?

Конечно, принцип материальной заинтересованности — штука серьезная. Никто этого не отрицает. Но разве деньги — главное? Разве кто-нибудь из них в кубышку складывает? Деньги как-то ни у кого не держатся. У Ирмы особенно. На один кирилл сколько уходит! На цветы. Живые цветы в Норильске не то что где-нибудь в Развине или во Львове. А Ирму их любят. И покупают. Ей нравится дарить цветы друзьям. Другой — кука. То у одного, то у другого день рождения или событие какое-нибудь радостное. Таких событий хоть отбавляй. Вот недавно Галя Друбчевская носовые справляла. И цветы были и подарки что надо.

В общем, все у них, как у простых, обыкновенных «человеков», хоть они и математик. Вы существуете же такое мнение, что математик — это какие-то люди со странностями, не от мира сего. А они сами что ни на есть земные.

Может, так говорят о них потому, что очень верят математике в свою науку? Да, верят. Правильно верят. Математика всемогуща. Ирму считает этот злитесь самым точным. Это даже больше, чем убеждение. Это у Ирмы уже в крови. Математика всегда с нею. Вот сидит она за столом, листает журнал. Попадает на глаза головоломка: «Перед вами сто монет. Они разданы на десять частей. В одной из частей все монеты поддельные, но ничем не отличаются от подлинных. Известно лишь... Как узнать...»

— Давай, кто быстрее решит, — предлагает Ирма подруге по общежитию.

Подруга — врач. Она берет карандаш, лист бумаги, пишет числа 100... 10... Ирма тоже пишет, но у нее на листе не числа, а ксыки и иррррр...

Шутливая задача — и высшая математика. Почему бы и нет? Ведь математика все может.

А за рабочим столом на ВЦ головоломки настоящие. За десять минут не решишь. Анго не здесь занимается Ирма тепловым и гидравлическим расчетом водосетей Норильска. Задача: найти оптимальный режим водоснабжения. Надо составить программу для электронно-счетной машины. Программисту нужны исходные данные. Пусть дадут их Ирме. Ведь не же это дело — собирать данные. А их почему-то не дают, не приносят анаблюдиче с голубой каемочкой? Ждать? Нет. Не в ее это характер. Целыми днями рвется Ирма в документал, знакомая с плавающим водостоком, выписывает показатели напора воды, стучающего расхода, гидравлического и теплового сопротивлений... Все дедает сама.

Да, пока что так работают программисты. Вот Светлана Мамонтова, старшая в их группе, тоже

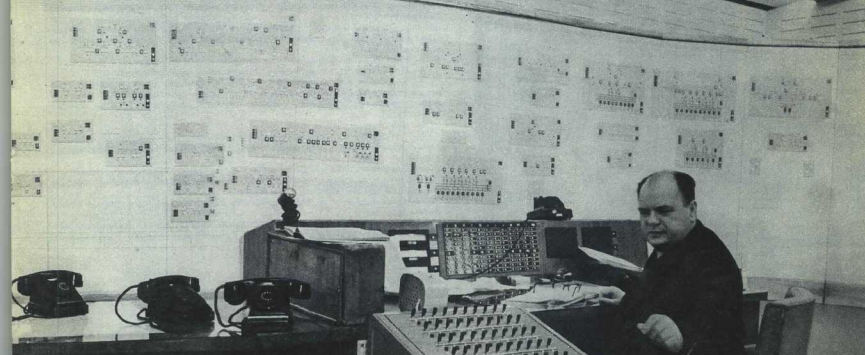
не дожидается, когда ей дадут исходные данные для составления программы маршеидерских расчетов. Сама собирает. По рудникам ходит, с людьми советуется и все записывает, записывает. А люди встречаются разные. Один понимает, другое дело делает Светлана. Другой... Послушает человека и рукой махнет: «Брунда все это...» Не верит в математику. И становится обидно за него, за то, что вот тут же, в его присутствии, никак ему не докажешь свою правоту. Нужно время, и, чтобы быстрее преодолел человек свое заблуждение и в будущем сам подсказывал, а то и приносил нужные данные, приходится пока что ходить за ним по пятам, «придавливать», терпеть и мронно, а порой и грубость...

Тогда-то и решили: надо организовать на ВЦ лекторий. Пригласить побольше народа на лекции по математике, электронике. Рассказывать людям о значении электронно-вычислительной техники. Каждый должен работать по докладу. И Ирма тоже. Нельзя ведь заблудиться лишь о том, чтобы самому узнать побольше нового, и только ради этого влетать в производство, засиживаться по вечерам в научно-технической библиотеке, с пристрастием знакомить специалистов. Нельзя, как один ее товарищ: приехал в Норильск, пошел на рудник простым рабочим. Хорошо как будто. А на самом деле не очень. Целью мляквата: поработать месяц-другой, нахвататься терминологии, «колорита» и написать повесть. Какая это будет повесть, если у человека в голове одно: прежде всего для себя... Ирма так не может. И Светлана тоже, и Лева, и Галя Друбчевская... Брать от жизни, от людей — нехитрое дело. Надо уметь отдавать им то хорошее, то лучшее, что есть в твоих мыслях, в знаниях, в душе, в сердце. Ведь, в сущности, если разорваться, это и есть то, что называется жить интересно, быть человеком.

В Заполярье мы провалили месяц. Было много интересных встреч. Геолог Нестеровский. Инженер Зайделев. «Главный» дворник Норильска Смолов, «бог автоматик» Волков. Работяга с ВЛ... Разные у них профессии, характеры разные, но всех их объединяет, делает друзьями, сплачивает в то монумент, что зовется советским коллективом, высокое чувство долга перед Родиной, сознание того, что труд их нужен стране.

Они пришли на Таймыр не поденщиками. Норильск для них не Клондайк. Их сроднило же желание обжить суровый край, поставить его природные богатства на службу родной, строящему коммунизм.

Пройдут годы. Возникнут за 69-й параллелью новые города, еще более прекрасные, чем Норильск. Их будут возводить уже другие. Но это навсегда останется пионером покорения таймырской тундры. Они и его люди.

ГИАНЭЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Георгий МАРТЫНОВ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА

(Продолжение. Начало см. в № 11)

На стук в дверь не последовало никакого ответа.

Муратов постучал сильнее.

— Я занят, прошу не мешать, — послышался сердитый голос Сергея.

— В таком случае, — смеясь, ответил Муратов, — улетаю обратно. Открой, чудак! Это я, Виктор.

Раздвинулись последние шаги, и дверь открылась.

Муратов ахнул от изумления и неудержимо расхохотался.

Синицын стоял перед ним в одних трусах и в туфлях на босу ногу. Валюхачинные волосы торчали пучками во все стороны.

Из кабинета пахнуло горячим воздухом.

— Что здесь происходит? Ты что, ремонтом занялся на досуге? Почему здесь такая жара?

— Во-первых, здравствуй! — спокойно сказал Синицын. — Спасибо, что приехал. Ты мне теперь нужен еще больше, чем когда я писал письмо. Прямо позарез. А жара — вот. — Он указал на небольшую, кабинетного типа электронно-вычислительную машину, стоявшую у письменного стола. — Эта портянная машинка не рассчитана на тридцать часов непрерывной работы.

— Зачем же ты так терзаешь ее, несчастную? — Муратов быстрым, внимательным взглядом окинул кабинет.

Пол был засыпан огромным количеством полнэтиленовых пластинок — программ. Они валялись всюду: у самой машины, на ковре, застилавшем середину комнаты, даже у двери. Видимо, хозяин кабинета бросал их куда попало. Одежда Синицына также была разбросана по креслам и дивану. Окна наглухо закрыты тяжелыми портьерами. Горела люстра и несколько настольных ламп.

— Ничего не получается? — насмешливо спросил Муратов.

— Проклятая загадка! Прямо хоть волосы рви от отчаяния.

— Я вижу, что ты пытаешься это делать. Послушай, дорогой мой! Я тебя не узнаю. Неужели ты рассчитываешь добиться успеха в таком состоянии? Я не спрашиваю, спал ли ты сегодня ночью. Ясно, что нет. Но ты хоть ел что-нибудь?

— Какое?

— Вот именно, кажется. Ставлю ультиматум. Ты немедленно примишь ванну, позавтракаешь и ляжешь спать! Немедленно! Или же я сейчас же уезжаю. Понял?

— Спать? — Синицын фыркнул. — Нашел время! Садись и слушай.

— Ничего не буду слушать. Охота мне разговаривать с таким человеком. На кого ты похож? Жаль, тут нет зеркала.

Муратов поднял портьеру и настежь открыл окно. Лучи солнца ворвались в кабинет.

— Вот именно! — Встретив удивленный взгляд друга, Муратов усмехнулся. — Сейчас два часа дня! Для, а не ночи, как ты, несомненно, думаешь.

— Два часа?

— Да, по местному времени.

Синицын как-то сразу смик.

— Хорошо, — сказал он, — принимаю твой ультиматум. Выходит, — прибавил он, улыбаясь, — что я терзаю машину не тридцать часов, а более пятидесяти. То-то она так нагрелась.

— Еще того лучше. Двое суток без сна и пищи! И этот человек хочет решить сложную математическую задачу! Да тут не только твоя машинка, а и электронно-вычислительный мозг института комсомольцев не поможет.

Он и не может помочь. Никто не поможет, если я сам или ты не дадите правильной предсказки. Сто двадцать семь вариантов! — воскликнул Синицын. — Сто двадцать семь! И все пусто.

— Одевайся! — Муратов выключил машину и погасил свет. — Не пойдешь же ты домой так. Здесь не спать.

Синицын стал медленно одеваться. Сто двадцать семь вариантов! — Что? Кроме определения или досады шевельнулось в душе Муратова. Сергей ляжет и просплет часе десять, не меньше. А что же делать ему все это время?

— А если совсем коротко, — нерешительно спросил он, — в обним спокан! Тем дело.

Синицын удивленно взглянул на друга, и оба рассмеялись.

Над континентом Южной Америки звездным покрывалом раскинулись леса. Луны не было. В окно кабинета хорошо видно блестящий Южный Крест. Непривычные созвездия мерцают в бархатно-черной бездне. Где-то там, между ними, но близко, совсем близко от Земли, проливается, быть может, именно сейчас таинственная звезда.

Муратов медленно шагает по кабинету, в несчетный раз пересекая его наискосок. Она раскрыты настольки. Горит только одна настольная лампа, освещающая часть стола и пелену вычислительной машины.

В кабинете образовался порядок. Программные картонки, разбросанные Синицыным по всей комнате, собраны и тремя аккуратными стопками лежат на краю стола. На другом краю возвышается порционная стопка новых, использованных уже самим Муратовым.

Все таинство Загадка остается загадкой.

Сто двадцать семь вариантов Синицына и семнадцать Муратова. А voz иные так!

Днем они проговорили два часа. К Сергею вернулись спокойствие и присущая ему точность. Подробно и обстоятельно он позанимал Муратова по всей проблеме. Теперь Виктор знает столько же, сколько Сергей. Конечно, можно обратиться за помощью к институту космонавтики. Но Сергей не хочет, и Виктор хорошо понимает друга. Сам начал — сам доведи до конца. В институт обратиться все равно придется, но одно должно явиться с законченным открытием и совсем другим — с пустыми руками. Сознательная в своей беспомощности всегда непринимает. Сергей прав! Он, Виктор, не в счет. Друг от друга у них ничего не было секретов. Если загадку разгадает Виктор, это все равно, что сам Сергей.

Но можно ли разгадать ее?

Уже уже десять лет Виктор и Сергей ушел наконец домой. Сейчас он не спит, а Виктор все топчется на одном месте и ни на шаг не приближился к загадке. Такого еще не бывало. Правда, с такой задешей он встречается впервые.

А кажется, все так просто! В течение одной недели радиолокатор велось раз в секунду в пространстве неизвестное тело. Восемь точек орбиты! А ведь и трех достаточно, чтобы знать и точно рассчитать любую.

Но все расчеты неизменно заходят в тупик, выступают в вопиющее противоречие с законами небесной механики.

Вот так быть, тело не одно? Может быть, их два, три или больше? Но Сергей считает, и Муратов согласен с ним, что это невероятно. Несколько тел близки Земли, и ни одно не попало до сих пор в поле зрения телескопа! Немало!и! Скорее всего тело все же одно.

Сергею рассчитаны всевозможные орбиты для одного и двух тел во всевозможных наклонениях к эклиптике. Ни одно не подошло. Муратов начал было производить расчеты для трех, но вскоре оставил эту затею.

К загадке надо подходить другим путем.

Муратов садится на диван, откидывается на мягкую подушку, закладывает руки за голову. Так лучше думается.

Иногда идет приятная прохлада. Тропический зной ушел вместе с Солнцем на другую половину планеты.

Часы показывают девять вечера. Но это для меридиана Москвы. По местному времени — девять пять утра.

Муратов усмехается. Погнал Сергея спать, а сам... занял его место и не спит уже двадцать пять часов.

Но он ни за что не ляжет, пока Сергей не выспится. Смена друга друга, — он будет работать, пока не решит задачу или не найдут что-то сколько-нибудь приемлемую гипотезу. А тогда уже можно, не краснея, обратиться в институт космонавтики.

Итак, что известно?

Муратов вспоминает рассказ друга...

Первый намек появился еще в первой половине двадцатого века. Один из астрономов заметил необыкновенное отражение луча радиолокатора от какого-то тела, находившегося недалеко от Земли. Какого? Это осталось неизвестным. Через пятьдесят лет история повторилась. И снова никто не заинтересовался данным явлением — лучи радиолокатора отражались как будто от пустого места. Оба факта объяснил ошибкой наблюдателей.

Затем произошел едва не ставший трагическим случай с ракетным звездолетом «Земля—Марс». В двести тысяч километров от Земли звездолет встретился с неизвестным небесным телом, приближение которого и кораблю не было совершенно замечено еще тонкими и чувствительными приборами штурманской рубки. Что-то скользяло по борту, оставив след в виде глубокой вмятины. По счастью, все обошлось благополучно. Единственное объяснение нашлось и здесь: метеорит, испарившись пока в воздухе.

И вот совсем недавно появился четвертый факт. И снова это случилось на звездолете. Грузовой корабль являл старт на Венеру. На борту находились строительные материалы и научное оборудование для сооружаемой на Венере станции. В последний момент корабль состоял из командира, штурмана и радиста. Почти сразу после вылета поступило сообщение, что локаторами обнаружено какое-то тело диаметром в сорок метров, летящее наперез курсу корабля. Скорость ослеп-тала была еще неизмерительной, и это дало возможность вовремя затормозить звездолет и избежать столкновения с ним. К счастью, в этот момент не совмещался, что Виктор работал всю ночь, должны были что-то дать.

корабля сообщал, что по мере того, как неизвестное тело приближалось к звездолету, ослабевал сигнал на экране локатора, а в момент наибольшего сближения совсем исчез. Это было уже никак не объяснимо. Отдельясь с мыслию на метеорит или на неисправность приборов на этот раз было совершенно невозможно. Французский исследователь, проводивший безопасность межпланетных путей, надо было бы во что бы то ни стало. Обсерватории приступили к поискам. Синицын включился в них с самого начала. В его распоряжении находилась мощная радиолокационная установка, с помощью которой и обсерватория велась работы по «лучевому профилю». Круглые сутки, днем и ночью, невнятный луч прощупывал пространство в радиусе четырехсот тысяч километров от Земли.

И вот недолго тому назад, пригласив устроив на работу, Синицын увидел на ленте самодвижущего прибора продолговатый объект. В три часа пятнадцать минут он был в радиусе пятидесяти километров от Земли. Это расстояние пролетело какое-то тело сорока метров в диаметре. Оно двигалось с востока на запад, то есть навстречу вращению Земли. Через две минуты, оно уже нем, на том же участке неба, но на другой высоте, локатор вновь находил что-то того же размера, что и в первый раз, и так далее, с другой скоростью. И так восемь раз. Без наблюдения сходились в отношении размеров, но расходились в высоте и скорости. Ни одного полного совпадения. Попытка увидеть таинственное тело в визуальный телескоп не привела ни к чему. Это никого не удивило: телескоп направляли приблизительно, да и тело было очень микроскопическое. К тому же его орбита неизвестна...

Муратов больше часа сидит неподвижно, не меняя позы, и напряженно думает. Первоначальное убеждение, что тел не может быть несколько, постепенно становится убеждением, что их может быть много. И не три или четыре, а два. К такому выводу приводит мысленный анализ всей работы, проделанной Сергеем и им самим. Два, только два! Они вращаются вокруг Земли, находясь всегда напротив друга по обе стороны эклиптики.

Но ведь такое предположение приходило в голову и Сергею. И он занимался вычислением возможных орбит. И пришел к бессмыслице.

Усомниться в правильности вычислений друга Муратов не может, такая мысль даже не возникает. У Сергея все правильно, все, кроме одного. Муратов вскипает в диван и подводит к столу. Да, надо проверить и такой вариант... Сергей исходит из предположи, что они имеют дело с двумя естественно возникшими телами, движущимися по законам тяготения. А если они... искусственные!

В пользу подобного предположения говорит многое.

Во-первых, тела невидимы в визуальный телескоп даже с близкого расстояния (случай на грузовом звездолете). Это можно объяснить тем, что они окрашены в абсолютно черный цвет и не отражают лучей Солнца. Естественные тела не могут быть такими окрашены. Во-вторых, радиолокатор обнаружил тела, находясь вблизи Земли. Это объяснимо, если мы только предположим (фантазировать, так до конца), что те, кто запустил их, хотели затруднить людям нахождение этих тел. Как это сделано...вопрос другой. И в-третьих, тела движутся навстречу движению планет, навстречу вращению Земли. Такое явление, правда, встречается в природе, но очень редко.

Итак, искусственные спутники Земли, запущенные откуда-то со стороны!

Цепкая память Муратова услужливо напоминает, что такая гипотеза была высказана в давние времена. Когда-то он читал о ней.

— Но ведь искусственные спутники, созданные людьми, движутся по законам тяготения,—думает он.— Да, но только потому, что они летят по инерции, не имеют двигателя. При наличии посторонней силы орбита может принять самые причудливые очертания.

Облегчает ли задачу эта новая предельная? Нет, скорее, затрудняет.

Как углубит траекторию, если совершенно неизвестна ее цель?

Но все же надо попытаться. Известно восемь тел. Они принадлежат двум орбитам. Каким-либо из них принадлежит восьмой, точнее по четыре не так много. А если одной орбиты принадлежит три, а другой пять! Или как-нибудь иначе?

Неожиданно возникает еще одна мысль. Муратов даже вздрагивает, настолько она проста и очень, очень важна. Ведь если предположить, что эти тела существуют не в пространстве, а в времени, то они могут быть не слышимые, а пользе. Это сильно изменяет массу, следовательно, и все расчеты. И, конечно, не камнями, а металлическими. Тогда может случиться и так, что одна из орбит, вычисленных Сергеем для двух тел, правильна, если считать не в пространстве, а в времени. Муратов начинает просматривать все записи Сергея сначала. Как ни нервничал Синицын во время работы, а записи и выводы делались правильно, лаконично и точно. Укоренившаяся привычка действует бессознательно...

В тропиках рассветает быстро. Лучи поднимающегося Солнца разгоняют мрак в углах кабинета. Лампа светит уже тусклым желтым пятном. Но Муратов не замечает этого. Пластинки-программы исчезают в машине одна за другой. На маленьком экране часто выступают результаты вычислений. Серьезный автматический хорошо помечает жемчужку.

Орбиты, орбиты, орбиты! Только о них может думать Муратов, только они один в его сознании. Ни для чего другого нет места!

Ровно в девять утра Синицын, свежеевтретий, тщательно присматриваясь, вступает в ледяной туман. Он открывает дверь своего кабинета. Но вселенность только внешняя, на душе тревожно и смутно. Удалось ли Виктору что-бы отнати, что в чем-нибудь по-дойти к загадке? Возникла ли у него какая-нибудь новая мысль, могущая пролить свет на эту проблему космической тайны?

Синицын хорошо знал проницательный ум Виктора, его огромные математические способности. И у него сильно развита черта, очень полезная для исследователя, черта, которой совсем нет у самого Синицына,—сила воображения. Синицын — практик, Муратов — теоретик.

Вспомнив о работе Синицына, Муратов не сомневался, что Виктор работал всю ночь, должны были что-то дать.

Нельзя медлить. Из института космонавтики в любую минуту может прийти требование передать им все материалы. И тогда будет отказ, никак нельзя. Синицын хорошо знал, что межпланетные трассы вremen закрыты, зенитолеты стоят на ракетодоме, ожидая, пока не будет охвачено пространство возле Земли. А многочисленные экспедиции, начавшиеся на базе на Марс, на спутники больших планет, на астероиды! Им закрыт путь к Земле. Все уже!

Открыл дверь, Синицын в изумлении остановился на пороге. Портячки опущены, в комнате полумрак. Заложил руки за голову (знакомое поза), на диване беззастенчиво спит Виктор!

Но изумление сразу же сменяется беспокойным волнением. Неужели! Сергей стремительно кинулся к столу, не сомневаясь, что найдет там что-то бесконечно важное, решающее! Разве мог Виктор заснуть, не найдя разгадки!

На небольшом листе бумаги, вырванном из блокнота, Синицын прочел:

«Сереха, кричи «Ура!». Сегодня вечером получим фотоснимок объекта». А завтра утром — второго. Объект на экваторе. Любопыт! Вторую вычислил сам. Что я тебе, верблюд! Уста, как собака Сплойной ночи!

Виктор.

Так и быть, подкажу! Оба объекта имеют одну и ту же массу. Угит!»

2

Ведущие ученые института космонавтики не были расположены терять время. Слово сразу было предоставлено Синицыну.

— Возвук Земли, вероятно, очень давно, обращаются два искусственных спутника неземного происхождения. Оба одного размера, полье внутри. Форма продолговатая. В продольном сечении эллипс, в поперечном — круг. Длина орбит мерков. Но не можно сказать не совсем точным. Орбиты спиральные. Оба тела то приближаются к Земле, то удаляются от нее. Вывод, подтвержденный наблюдениями с помощью докатора — скорости все время меняются. Среднее расстояние от центра Земли: первого спутника — двести восемьдесят тысяч километров, второго — сто восемьдесят шесть тысяч. Спутники, вероятно, металлические, но удельный вес материала определить нельзя: неизвестно, что находится внутри. Средняя скорость первого спутника — пять с половиной километров в секунду, второго — семь. Полученные данные дают все основания предполагать, что оба тела движутся по орбитам по инерции они давно бы упали на Землю или на Луну. Положение обоих спутников на их орбитах может быть легко вычислено для любого момента. Но увидеть их непосредственно в визуальный телескоп до сих пор не удалось. Муратова высказала предположение, что они абсолютно черные и потому невидимы, так как не отражают лучей света. Мы сделали попытки получить фотографию в инфракрасных лучах. Ведь если они черные, то должны быть сильно нагреты солнечными лучами. Но изображения не получились, несмотря на искусственную подсветку. То же произошло с применением пластинки, чувствительной к ультрафиолетовым, а также рентгеновским лучам. Минимум кажется, что спутники не абсолютно черные, а как раз наоборот — абсолютно белые. Задать труднообъяснимая загадка. Вот все, что я могу доложить совету в данный момент. На нашей экспериментальной работе по наблюдениям за спутниками дальнейших результатов нет.

— Мы не можем ждать, — сказал председатель научного совета института космонавтики профессор Генри Стоун. — Все зенитолеты Земли бездействуют, все работы в космосе остановлены. Такие положения неприемлемы. Мы должны точно знать, и как можно скорее, что представляют собой эти тела. Основываясь на безопасности межпланетных сообщений на гигонетах и непрерывности данных невозможны. Если тела невидимы по какой бы то ни было причине, то нет уверенности в том, что орбиты вычислены правильно...

— И я и Муратов уверены в этом, — вставил Синицын.
— Если тела невидимы, — повторил Стоун, мельком взглянув на Синицына, — остается одно — отправиться к ним и, так сказать, ощупать их руками. Прошу товарища Синицына не обижаться. Он сам должен пойти, так же, как и Муратов, с группой работников двигателя и что эти тела существуют в какой-либо форме. Мы не знаем, кто их управляет или. Разумные существа? Это маловероятно. Но не исключены электронные азарт. А это программа нам неизвестна. Споры и дискуссии отложим до более позднего момента. Первый вопрос: можно ли полностью доверять полученным данным!

— Имя Муратова нам известно, — ответил профессор Метьюз. — Синицына мы тоже хорошо знаем. По-моему, можно считать, что орбиты спутников в настоящее время соответствуют их вычислениям.

— Каково мнение остальных? — спросил Стоун.

Все десять присутствующих согласились с Метьюзом.

— Тогда ставлю второй вопрос: нужно ли посылать корабли на поиски этих спутников? И если да, то сколько: один, два или больше?

Совет высказался за посылку двух кораблей, а обком спутникам односторонне.

— И, наконец, — сказал Стоун, — третий вопрос: является ли такая экспедиция безопасной?

Синицын встает вразрезе. Стоун затронула вопрос, который они с Виктором обсуждали сегодня утром.

— Разрешите слово!

— Прошу вас, товарищ Синицын.

— Я хочу поздравить вас, — начал Сергей, — с мнением моего друга по этому вопросу. Это и мое мнение. Нельзя, чтобы здесь присутствовал сам Виктор. Так вот, он считает, что мы имеем дело с двумя ракетными-разведчиками, посланными учеными другого мира для изучения нашей планеты на расстоянии. Несомненно, что оба спутника как-то передают информацию тем, кто их послал к нам. Все это хотя и достаточно необычно,

но в конце концов естественно. Странно и даже странно другое. Сделано все, чтобы мы могли Земли, но почему же не могут быть вычислены эти спутники. Спиральные орбиты, меняющиеся скорости, округлая, а может быть, и самый материал, делящиеся их невидимыми визуальными, и, наконец, помехи, безусловно, искусственные и преднамеренные, являются следствиями этих тел, особенно с близкого расстояния. Столько предосторожностей могут быть случайными. Они замечательны! И самое интересное — это то, что все эти меры рассчитаны на технику, бышую на Земле в первой половине двадцатого века, то есть тогда, когда спутники, надо думать, и появились возле Земли. Это говорит о том, что разведка не так уж проста!

Теперь, кто послал к нам непрошенных гостей, видимо, хорошо знают нашу планету, знают, что она населена разумными существами, знают уровень нашей науки и техники. Но возможно, что они знают и современную Землю. Неудобно нам так загнудили поиски и нахождение своих разведчиков. Но что же! Допустим, что мы не знаем, где находятся эти разведчики в соседнюю солнечную систему, к какой-нибудь планете этого Солнца. Стали бы мы принимать меры к тому, чтобы обитатели этой планеты не заметили наших посланцев? Конечно, нет! Наоборот, мы сделали бы все от нас зависящее, чтобы их замечали. Потому что мы рассматривали бы их как средство общения с разумным миром, как средство дали бы им знать о нашем существовании. Так и только так должны поступать разумные существа любого мира. Но мы видим совсем другую картину. Мы с целью начать общение с нами посланы эти разведчики. Цель другая. И мы, люди Земли, не должны знать этой цели. Вот над чем надо подумать.

Члены совета с большим вниманием выслушали Синицына.

— Выходит, — сказал после долгого молчания профессор Метьюз, — что мы имеем дело с тем, что всегда отрицались в деле общения миров. Первая встреча с нашим разумом — это спутники!

— Нет, почему же? — Синицын с глумом оставил себя возразить. Они с Виктором пришли как раз к такому же выводу, что и Метьюз. — Не обязательно злые. Можно допустить даже, что намерения самые дружеские. Например, так, разведчики опасны, с ними надо быть очень осторожными... Ведь уровень развития, которому доступны такие эксперименты, исключает низкие побуждения! — воскликнул он, видя сомнение на лицах слушателей. — Они могут быть опасны для нас! Предосторожности, принимаемые нами, могут быть опасны для них! Внимание! Опасности! А если они из антивещества? Это уже мало вероятно! — утешились, — утешились голосом заметил Синицын.

— Вы от него откажитесь сию же минуту, — улыбнулся Стоун. — Вспомните случай с ракетным зенитолетом «Земля — Марс». Незавестно, кто послал этот корабль. Мы не знаем, кто послал его, кто был один из спутников. Коснулись, оставило вытнуто, но никакой аннигиляции не произошло.

— Верно, я забыл об этом, — согласился Синицын.
— Конечно, подтверждает обоснованность Стоуна, — верно это или неверно, подтверждает обоснованность Стоуна, — является ли выдуманная экспедиция безопасной? Я только что опроверг посылку выдуманную Синицына. Теперь я хочу опровергнуть самого себя. Я недавно говорил, что присутствие на спутниках разумных существ сомнительно, маловероятно. Но я говорил из виду, что эти спутники находятся здесь уже около ста лет, а может быть, и больше. Живые существа исключаются. Даже если обитатели этого мира очень долголетны, все равно нет смысла заглядывать в тесном помещении на сто лет. Если есть управление, то оно или существует по договорности, или это электронный мозг. Тогда, может быть, не следует рисковать! Может быть, просто уничтожить оба спутника — и дело в конце! Я склоняюсь к мнению, что этого намерения нет и не было. Но все равно свою роль для тех, кто их послал, эти спутники давно выполнили.

— Этого мы никак не можем знать, — возразил член совета Станислав Лецицкий. — Если двигатели работают до сих пор, значит, они были рассчитаны на это время и, следовательно, еще нужны. Но не в том дело, нужны эти спутники тем, кто их послал, или не нужны. Уничтожить их мы должны по своему моральному праву. Их хозяева с нами не считаются и нас не спрашивают. Они о нас даже не знают. Мы не можем знать, что они имеют, что невидимые тела по соседству с планетой, на которой техника дошла до межпланетных сообщений, представляют собой большую опасность! Мне кажется, что вопрос можно ставить только о том, нужны ли эти тела самим нам. Нужно ли нам подкарауливать с их конструкций, двигателями, установленной на них аппаратурой? Если это малахольно, надо не только найти их, но и проникнуть внутрь. Если нет, тогда уничтожить, не рискуя.

— Как здесь вряд ли будут два мнения, — сказал Стоун. — Техника двух миров не может быть совершенно идентичной. Что-нибудь полезное обязательно найдется. Например, методы локационных полей, инвидиумства, способ передачи информации через бездну пространства, разделяющую соседние системы. К тому же мы не знаем, соседние ли это миры. Знают и голубы и голубы не о чем. Ну и тогда Лецицкий решительно отрубил это слово, ударив ребром ладони по столу. — Но раз мы знаем, что возможна опасность, то не следует посылать два корабля и обком спутникам, как мы решили. Пошлем один, сначала к первому, потом ко второму. И лететь на нем должны только добровольцы.

— Что вы хотите этим сказать? — удивился Стоун. — А как может быть не добровольцы?

— Я говорю в том смысле, что участники экспедиции должны хорошо знать, что рискуют жизнью. Но вы правы, — улыбнулся Лецицкий, — слово «добровольцы» — анахронизм!

— Желательно найдется больше, чем надо. Но это страшные слова: крикунг жизнь! — Стоун наклонился вперед и обвел взглядом членов совета. — Предлагаю каждому подумать и решить: стоит ли игра свеч?

— Стоит! — прокричал Метьюз.

— Стоит! — повторил Лецицкий.

— Стоит! — Стоун.

— Тогда я прошу доверить мне руководство экспедицией, — сказал Стоун.

— И включить в нее меня и моего друга Муратова. По-моему, мы заслужили это право,— привял Синицын.

— Муратова здесь нет.

— Это не игра роли. Я говорю за него.

— С его согласия?

— Нет, мы с ним не говорили об этом. Но я ручаюсь...

— Хорошо. Значит, уже трое. Я думаю, что достаточно четырех-пяти человек.

3

Виктору Муратову до сих пор не приходило покидать Землю. Как-то так случилось, что даже в годы бурения, сперва в школе, а затем в институте, он не принял участия ни в одном предусмотренном программой полете на Луну. Он не помнил, болела ли он тогда или была другая причина.

Но когда дров детства и юности закружили его в состав экспедиции, отправлявшейся на поиски таинственных спутников Земли, Муратову даже в голову не пришло, что его ожидает что-то необычайно, выходящее из рамок обидной жизни. Он отнесся к предстоящему полету в пространство, как мог бы отнестись человек первой половины двадцатого века к предложению совершить путешествие на ледоколе в Арктику. Это было непривычно, но не заключало в себе ничего, что могло бы вызвать особые волнения. Сотни и тысячи таких же, как он, людей совершали гораздо более дальние перелеты в космос. Ничего поразжающего воображение здесь не было.

Мысли Муратова были заняты не полетом, а его целью. Чем больше думал он об этой цели, тем слабее становилось его уверенность в успехе экспедиции. Десятия возможных препятствий приходили ему в голову, и каждого из них было вполне достаточно, чтобы свести на нет все усилия. Он не только не сомневался, что спутники действительно являются разведчиками другого мира и что, тем направив их к Земле, сделались все, чтобы обеспечить их неуязвимости. Удается ли преодолеть трудности?

Сомнения Муратова разделялись всеми членами научного совета института космонавтики.

И они оправдывались.

Задача, вставшая перед экспедицией, оказалась гораздо сложнее, чем могли думать...

Звездолет «Герман Титов» — летящая лаборатория института космонавтики — находится на параллельной орбите к ближайшему от Земли спутнику-разведчику, держась от него на незначительном расстоянии. Названные аппараты вращаются уже в пятнадцатый раз перидавали, что координаты корабля и спутника совпадают, что оба они фиксируются локаторами в одной и той же точке и, следовательно, находятся на одной прямой, по плучу зрения локационной установки.

Но спутника никак не удавалось обнаружить.

Наивысшие приборы, расположенные на огромном стенде, занимавшем большую часть рабочего помещения корабля, бездействовали. Только гравитационный определитель, или, как его чаще называли, гравиметр, показывая присутствие какой-то значительной массы в близлежащем пространстве, заставил глаза наблюдателя дергаться и мигать.

Спутник, несомненно, находился где-то тут, совсем рядом.

К несчастью, показаний одного только гравиметра было недостаточно, для того чтобы подойти к невидимому телу. Необходимо было нащупать его другими приборами, которые показывали бы не только массу, но и направление, а также точное расстояние.

А эти данные все же не было.

Спутник явно не извлекла желая легко «даться в руки»...

Сначала все шло гладко. Командир «Титова», опытный астронавт Юрий Вересов уверенно звал своей работой на нужную траекторию и пользовался указаниями с Земли, «притираясь» к спутнику, что называется, вплотную. Тогда же поступило первое сообщение о совпадении координат борту и на земле. Но цель достигнута и остальное просто — привертыватьсь к борту и начать обследование «гостя».

Но так только казалось...

Медленно и осторожно приближался «Титов» к цели. Никто не знал, что ожидает людей в непосредственной близости к «чужеземцу», как встретит он земной звездолет, какие средства защиты установили на нем неведомые хозяева.

В одном только можно было быть вполне уверенным — спутник не из антишестил!

Он может взорваться, если мы подойдем к нему слишком близко,— предостерегли Стоун.— Не пора ли послать вперед робота?

— Пожалуй, рано,— ответил Синицын.— Надо подойти ближе.

А кто может сказать, близко мы или далеко?— отозвался Вересов.

Во-первых, об этом говорит гравиметр. Его показания еще не достигли вычисленной нами массы спутника. Значит, он еще далеко. А вторых, должны же заработать и другие приборы. Какая бы защита ни была установлена на спутнике, земные локаторы проявляют ее. Значит, мы можем нащупать спутник, будь он хоть трижды невидим. Инфракрасный... Синицын остался на полуслове.

Стрелка гравиметра резко качнулась влево. И почти в тот же момент несколько наземных обсерваторий сразу сообщили, что спутник отделился на зриках локаторов, ушел вперед, увеличил скорость.

Ненадолго явилась мысль: спускаясь...

— Слово пошутил нас,— сказал Муратов.

Вересов включил ускорение.

Примерно через час положение снова стало прежним. Стрелка гравиметра пошла вперед.

Муратов не вынул глаза от окуляра телескопа. Ему было поручено визуальное наблюдение, но до сих пор он еще ничего не увидел. И вот ему показалось, что сплошная россыпь звезд, окружавшая звездолет со всех сторон, заплескалась в одном месте чем-то непрозрачным.

Точно призрак чего-то большого и темного закрыл неизменяющиеся точки светил, образовал черный провал в глубину космоса.

Но видение мелькнуло и пропало. Удалось ли наконец увидеть таинственный спутник или это было обманом уставшего зрения?

Муратов ничего не сказал товарищам о своем наблюдении. Это все равно не могло ничем помочь им.

Вересов снова начал осторожное приближение, руководствуясь только стрелкой гравиметра, которая медленно пошла вправо.

Неведомая масса приближалась.

Стоун уже протянул руку к кнопке. Легкое нажатие — и от корпуса «Титова» отделился маленький, но мощная ракета космического робота-разведчика. Направляемая портативным гравиметром, она устремится к соседней массе, чтобы плотно прижаться к ней, посылая на борт корабля обзоры всеми приборами, способными услышать «неслышимое» и увидеть невидимое.

Что-то мелькнуло на инфракрасном зренике...

И... снова резкий рывок стрелки влево. Минута ожидания — и голос с Земли сообщил: спутник опито достиг, затормозил, отстал!

— Это уже пошло до сознательного дествия.

Вересов включил тормозные двигатели.

— Так может продолжаться до бесконечности,— сказал он как бы про себя, но достаточно громко.

Но это раз Синицыну удалось заметить отрывистый сигнал радиопередатчика. На сверхультракоротких волнах прошла передача. Она не могла иметь земное происхождение. Все коротковолновые станции Земли молчали в эти часы, выполняя просьбы института космонавтики. Источник сигнала явно не из нашей системы спутников.

Было ли это излучением его собственного передатчика или, наоборот, его приемник принял сообщение со стороны, осталось неизвестным.

— Может быть, это передача, которую мы только что приняли!— высказал предположение Стоун.— Напрямую, от Луны.

— Совершенно в другом диапазоне,— ответил Синицын.— Это от Луны могло прийти гораздо раньше, но не в этот момент. Она слишком близко.

На этот раз прошло свыше двух часов, пока удалось снова приблизиться к спутнику.

И в третий раз все повторилось сначала.

А затем в четвертый... в пятый... в шестой...

Спутник метался. Он то увеличивал, то уменьшал скорость, как только «Титов» приближался к нему на какой-то, видимо, вполне определенный расстояние. Продолжать эти маневры было совершенно невозможно, в них не было никакой последовательности. Иногда спутник уходил вперед несколько раз подряд, потом неожиданно тормозил. И снова уходил вперед. Трудно было отделиться от впечатления, что это не механизм, а живое существо, стремящееся укрыться, уйти от беспокойщей его погони.

Так прошло сорок два часа.

На участниках экспедиции, ни ученые, наблюдавшие с Земли за ходом операции, приближаясь к нему на какой-то, видимо, вполне определенный расстояние. Продолжать эти маневры было совершенно невозможно, в них не было никакой последовательности. Иногда спутник уходил вперед несколько раз подряд, потом неожиданно тормозил. И снова уходил вперед. Трудно было отделиться от впечатления, что это не механизм, а живое существо, стремящееся укрыться, уйти от беспокойщей его погони.

Электронный мозг,— утверждал Стоун.— И он находится на спутнике.

Только не на спутнике,— возразил Муратов.— В этом случае не нужны радиосигналы.

— Они могут поступать от одного спутника к другому. Ведь их два.

— Им не о чем «говорить», если на них нет разумных существ. Управление идет с Луны или... с Земли.

— Земля!

А разве это невозможно?— вопросом на вопрос отвечал Виктор.

И действительно, такое предположение, выдвигавшее на первый взгляд довольно странным, имело реальное основание. Если обитатели соседнего мира (соседний мир!) давно знакомы с Землей, а в этот фазе казался уже омонимичным, то разве не могли они тайно от людей послать на нашу планету и оставить ее на время хорошим местом своей деятельности? В эпоху, когда не существовало еще «Службы космоса» и никто не следил за прилетающими к Земле пространствам, чужой звездолет при желании мог незаметно посетить планету и улететь с нее никак не замеченным. Муратов был прав. И еще легче было посетить Луну, на которую тогда еще не ступала нога человека. Да и теперь тайн спутника Земли разгаданы еще не полностью: поверхность Луны исследована не все.

Если существует этот электронный мозг,— сказал Вересов,— и в него заложена программа не допускать приближения земных предметов, то мы его, то есть спутника, никогда не догоним.

— Похоже на то,— уныло соглашался Стоун.

Погоня истощаясь продолжалась, но надежда на успех давно уже была потеряна.

Спутник не мог «устать». Если заключенной в нем энергии хватало на сто или даже больше предыдущих лет, то не было никаких оснований ожидать, что она истощится именно сейчас. Устать могли сами люди.

Никто не мог предполагать, что экспедиция так затянется. На борту не было второго пилота. Водители-автоматы были бессильны в условиях непрерывного изменения режима полета, им невозможно было дать программу действия.

И после двух с половиной суток преследования «Титов» вернулся на Землю.

Уставшие, раздраженные полной неудачей, вышли из него Стоун, Муратов, Синицын и Вересов.

— Думать, думать, думать!— сказал Стоун.— Нерешимых задач не существует. Выход должен быть, и мы его найдем!

(Продолжение следует)

Прочитав в «Смене» статью Александра Гольмского «Тренер. Что это такое?» (№ 29 за 1982 г.) я никак не собираюсь писать о роли тренера. Ведь за годы берящийся в основном, когда с чем-то не согласен, когда хочется что-то опровергнуть или доказать. Я же глубоко убежден в правдивости всех без исключения тезисов Гольмского.

И все-таки, парадоксальнo, я решил принять участие в разговоре, начатом «Сменой». Проблема тренера — одна из важнейших (если не самая важная!) в спорте. Вместе с тем, как ни парадоксально, вопрос этот самый неизученный, самый непонятный и загадочный. По отношению к тренеру, как к специалисту мало внимания уделяют тем, кто в первую очередь зависит успеха нашего спорта. И очень хорошо, что «Смена» решила воспользоваться этой пробелом.

Формальный тренерингов не приносит. Каждому спортсмену известно предостаточно волевые. Какое стало ясно, что это танго, приведу пример. На тренировках хорошие баскетболисты забрасывают до пятидесяти штрафных подряд. Но в этот момент тренер кричит: «Пять минут!» и они «мнут» после десяти минут отсидевшись на скамейке. «День тренировки» не матч чемпионской страны, где нервы напряжены до предела.

Так разве не надо быть психологом для того, чтобы настроить игрока перед пенальти? Здесь же тренер кричит: «Самому игроку не следует думать о штрафных. Одного нужно разогнать, с другим пошутить, третьего подбодрить четвертого настроить. Этого просто похлопать по плечу. И вот что я предлагаю: записать в тетрадь, которые, быть может, войдут на площадку в ходе игры. Но если у игрока разогор закончен, не могу не высказаться по этому поводу. Когда у игрока закончилось, не могу не высказаться по этому поводу. Когда у игрока закончилось, не могу не высказаться по этому поводу.

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

В бытность мою игроком я не считал себя тренером. Тренер — тренировался, времена не поменялись, но выросло поколение тренеров — являлся на площадке. Но одно дело относится наплевательски к тренеру, а другое — к тренеру. Шел матч за матч, а меня держали в командной комнате. Я не имел по моему твердому убеждению, зря, ведь незачем до конца первого периода выслушивать доклад тренера. Размываясь, вышел. От самозабвения не стал опасаться. Играл я и так, и вращаясь. Спокойно тут ничего забыть все, что было в команде, а было в команде. Но лицо. Да что там протренируешь! Игрок получает удовольствие, как мне сказал после матча мой приятель, «был я слегка злеплен, и в итоге я был в форме». Вышел в себя, а не то будет хуже. Я не понимаю себя, но в этом смысле я бы даже сказал — революцию. В баскетболе есть две основные зоны: зона — персональная и зона. Алтберг в своей книге описывает эту зону. Новинка Алтберга ставила в эту зону противников в одной зоне команды. Примечательным в течение долгого времени раздалась команда «Спартак» или «Зенит» играет ТТТ.

Может статься, что было Алтбергу заниматься творчеством: ведь у него сильный и ровный сон. В команде почти никто от него не увидит деления на основные и запасные, в каждом матче играют пятьдесят двенадцать баскетболистов, а это командная работа. Да, это заслуга Алтберга. Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита».

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

В бытность мою игроком я не считал себя тренером. Тренер — тренировался, времена не поменялись, но выросло поколение тренеров — являлся на площадке. Но одно дело относится наплевательски к тренеру, а другое — к тренеру. Шел матч за матч, а меня держали в командной комнате. Я не имел по моему твердому убеждению, зря, ведь незачем до конца первого периода выслушивать доклад тренера. Размываясь, вышел. От самозабвения не стал опасаться. Играл я и так, и вращаясь. Спокойно тут ничего забыть все, что было в команде, а было в команде. Но лицо. Да что там протренируешь! Игрок получает удовольствие, как мне сказал после матча мой приятель, «был я слегка злеплен, и в итоге я был в форме». Вышел в себя, а не то будет хуже. Я не понимаю себя, но в этом смысле я бы даже сказал — революцию. В баскетболе есть две основные зоны: зона — персональная и зона. Алтберг в своей книге описывает эту зону. Новинка Алтберга ставила в эту зону противников в одной зоне команды. Примечательным в течение долгого времени раздалась команда «Спартак» или «Зенит» играет ТТТ.

Может статься, что было Алтбергу заниматься творчеством: ведь у него сильный и ровный сон. В команде почти никто от него не увидит деления на основные и запасные, в каждом матче играют пятьдесят двенадцать баскетболистов, а это командная работа. Да, это заслуга Алтберга. Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита».

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

В бытность мою игроком я не считал себя тренером. Тренер — тренировался, времена не поменялись, но выросло поколение тренеров — являлся на площадке. Но одно дело относится наплевательски к тренеру, а другое — к тренеру. Шел матч за матч, а меня держали в командной комнате. Я не имел по моему твердому убеждению, зря, ведь незачем до конца первого периода выслушивать доклад тренера. Размываясь, вышел. От самозабвения не стал опасаться. Играл я и так, и вращаясь. Спокойно тут ничего забыть все, что было в команде, а было в команде. Но лицо. Да что там протренируешь! Игрок получает удовольствие, как мне сказал после матча мой приятель, «был я слегка злеплен, и в итоге я был в форме». Вышел в себя, а не то будет хуже. Я не понимаю себя, но в этом смысле я бы даже сказал — революцию. В баскетболе есть две основные зоны: зона — персональная и зона. Алтберг в своей книге описывает эту зону. Новинка Алтберга ставила в эту зону противников в одной зоне команды. Примечательным в течение долгого времени раздалась команда «Спартак» или «Зенит» играет ТТТ.

Может статься, что было Алтбергу заниматься творчеством: ведь у него сильный и ровный сон. В команде почти никто от него не увидит деления на основные и запасные, в каждом матче играют пятьдесят двенадцать баскетболистов, а это командная работа. Да, это заслуга Алтберга. Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита».

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

В бытность мою игроком я не считал себя тренером. Тренер — тренировался, времена не поменялись, но выросло поколение тренеров — являлся на площадке. Но одно дело относится наплевательски к тренеру, а другое — к тренеру. Шел матч за матч, а меня держали в командной комнате. Я не имел по моему твердому убеждению, зря, ведь незачем до конца первого периода выслушивать доклад тренера. Размываясь, вышел. От самозабвения не стал опасаться. Играл я и так, и вращаясь. Спокойно тут ничего забыть все, что было в команде, а было в команде. Но лицо. Да что там протренируешь! Игрок получает удовольствие, как мне сказал после матча мой приятель, «был я слегка злеплен, и в итоге я был в форме». Вышел в себя, а не то будет хуже. Я не понимаю себя, но в этом смысле я бы даже сказал — революцию. В баскетболе есть две основные зоны: зона — персональная и зона. Алтберг в своей книге описывает эту зону. Новинка Алтберга ставила в эту зону противников в одной зоне команды. Примечательным в течение долгого времени раздалась команда «Спартак» или «Зенит» играет ТТТ.

Может статься, что было Алтбергу заниматься творчеством: ведь у него сильный и ровный сон. В команде почти никто от него не увидит деления на основные и запасные, в каждом матче играют пятьдесят двенадцать баскетболистов, а это командная работа. Да, это заслуга Алтберга. Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита». Он сумел подогреть команду, в которой дублирует игроки не хуже «Зенита».

Мне могут сказать, что я пытаюсь ввести замес в разговор, но, что у нас много хороших тренеров, которых нельзя назвать эрудицией, но которые являются специалистами. Это действительно так. Но с какой-то оговоркой. Многие спортсмены работают ни все труднее и труднее. И я убежден, что через несильно много времени спорт в нашей стране своего вида спорта, не будет развиваться.

Есть одна отягчающая ситуация. В нашей стране очень мало тренеров высшего класса. И я имею в виду медицинскую помощь, а не обязательно, чтобы у нашего тренера было высшее медицинское образование. Но никакой-либо минимума являюсь несоблюдения.

В бытность мою игроком я не считал себя тренером. Тренер — тренировался, времена не поменялись, но выросло поколение тренеров — являлся на площадке. Но одно дело относится наплевательски к тренеру, а другое — к тренеру. Шел матч за матч, а меня держали в командной комнате. Я не имел по моему твердому убеждению, зря, ведь незачем до конца первого периода выслушивать доклад тренера. Размываясь, вышел. От самозабвения не стал опасаться. Играл я и так, и вращаясь. Спокойно тут ничего забыть все, что было в команде, а было в команде. Но лицо. Да что там протренируешь! Игрок получает удовольствие, как мне сказал после матча мой приятель, «был я слегка злеплен, и в итоге я был в форме». Вышел в себя, а не то будет хуже. Я не понимаю себя, но в этом смысле я бы даже сказал — революцию. В баскетболе есть две основные зоны: зона — персональная и зона. Алтберг в своей книге описывает эту зону. Новинка Алтберга ставила в эту зону противников в одной зоне команды. Примечательным в течение долгого времени раздалась команда «Спартак» или «Зенит» играет ТТТ.

А. Рысь

факт остается фактом; в спорте тоже все время идет процесс усовершенствования. Если мы сравним две таблицы рекордов мира — скажем, 1910 и 1960 годов, можно будет подумать, что за последние пятьдесят лет человечество в физическом отношении изменилось до неузнаваемости. Но ведь изменилось не строение человеческого тела. Изменилось отношение и спорту со стороны спортсменов. И, конечно же, главный виновник всех этих чудесных превращений — тренер — главный конструктор спорта.

В играх рост мастерства не так нагляден. Здесь прогресс не поддается точному учету: нет сантиметров, килограммов. По этой причине и можно зачастую услышать разговоры такого характера: «Разве это футбол? Вот в наше время играли! Разговоры эти, конечно, несерьезные. Я, например, убежден, что лучшая команда (равно команд — футбольная, баскетбольная или волейбольная) двадцатых годов была бы наголову разбита нашими современниками, даже если бы в этом чемпионском матче спортсмены шестидесятых годов были представлены средней командой.

Однако я невольно отвлекусь. Да, тренеры должны быть творцами,

нером человек, не любящий свое дело, свой вид спорта, свою профессию.

Меня могут упрекнуть в том, что я высказал банальнейшую мысль. Тоже, мол, откровение: свое дело должно любить каждый. В общем, это правильно; любить свое дело должен каждый человек. Но если, скажем, и своему делу прохладно относится парикмахер, пострадает только его клиент. Если этого у него не пропадет желание ходить в парикмахерскую, просто в следующий раз он пойдет к другому мастеру. Если же свое дело не любит человек, дело жужит, немножко пользы навлечет его питомцы. Ведь тренер — это не только специалист, он еще и воспитатель. У него невольно перенимают не только хорошие, но и плохие.

Михаил Андреевич Тихомиров был для меня богом. Он по праву считался одним из сильнейших игроков «Ростова». Мальчишкой и смотрел на него, как зачарованный. Я завидовал ему, его умению играть, его популярности. Я хотел во всем походить на него. Затем мы играли в одной команде. А спустя еще какое-то время я стал моим тренером. И вот тогда пришлось разочароваться. Я не знаю, любил ли Михаил Андреевич баскетбол, когда сам играл. Но то,

Н

изобретателями. Тот, кто только слепо копирует, никогда не добьется крупных успехов. Он все время будет плестись в хвосте. Сейчас в волейболе вопрос номер один — так называемая японская подача. Мои коллеги-волейболисты говорили мне, что благодаря ей спортсмены Японии сумели отобрать у нас титул чемпионов мира. Этой подачей, коварной и зловещей, мы сейчас еще не владеем. Но думаю, что через несколько лет в любой институтской команде будут игроки, которые смогут подавать мяч не хуже, чем прославленные японцы. Однако, если наши тренеры все помислят и направят только на освоение японской новинки, добра не жди. В лучшем случае наши волейболисты смогут дотянуть японскую сборную образца 1962 года. Для того же, чтобы обогатить, надо принаучить свое, что-то такое, чего еще не видел спортивный мир. Надо не только освоить японскую подачу, надо одновременно изобретать му, сканам, советский баю.

В общем, говоря тому, кто останавливается в своих поисках, это только копирует. Спорт, как и наука, двигают вперед не добросовестные имитировщики, а дерзкие изобретатели. Тот, кто не идет вперед, тот даже не стоит на месте, тот падает назад.

* * *

Глубокие познания в своем виде спорта, эрудированность — без этих качеств стать тренером (а завтра станет невозможно) быть настоящим тренером. И всего этого мало. Никогда не будет тре-

что тренером он его не любил, — факт. Баскетбол для Тихомирова-тренера был просто средством для существования. Помимо, в 1957 году у нас была ответственной противниками — баскетболистами Свердловска. Все мои победы матчем Тихомиров проявил с игроками за пределами. Мы выиграли у свердловчан первую тайму, но после перерыва растеряли преимущество и ушли с площадкой побежденными.

У нас с Тихомировым всегда были нехорошие отношения. Большие того. Я и сейчас с теплотой вспоминаю Тихомирова-игрока. Но как тренера я уважать его не могу. Впрочем, я и тогда уже не уважал его. Да он того и не добивался! Его вполне устраивало быть «своим в доску».

А вот другой человек — Евгений Семенович Шава, он мой коллега, тренер женской баскетбольной команды. Мы знакомы и дружны много лет. Мы играли в разных родах, но часто встречаемся на соревнованиях. Все наши разговоры начинаются и кончатся баскетболом. Во многом наши взгляды на баскетбол расходятся. Мы часто спорим до хрипоты о преимуществе, того или иного тактического варианта. У Шава-тренера есть недостатки (все мы небезгрешны), но они с легкой искусностью фанатичным отношением к баскетболу.

Я знаю многих тренеров. И с удовольствием могу сказать, что большинство из них с любовью относятся к своему делу. Нет для них лучшей профессии, чем профессия тренера. Для них слово «тренер» звучит гордо!.

Фото А. БУРДУКОВА

ЗДЕСЬ РАСКРЫВАЮТСЯ ТАЛАНТЫ и СЕРДЦА...

«Артисты приехали»

...Мил на Белгородщине парнишка. Ничем не отличался он от сверстников. Вырос в семье сельского музика. У него, как и у тысяч других подростков, война отняла детство.

Да и дальнейшая биография его незаурядна: семь классов, училище, армия... Обыкновенный советский человек — Толя Рунацов, ныне машинист буровозвонной машины на шахте «Кочегарка».

Думал ли когда-нибудь Анатолий Рунацов, что будет он учиться в консерватории? Ну, любил он петь, играл иногда на баяне — подбирал по слуху знакомые мелодии. В армии был запевалой. И характер у него общительный, улыбка с лица не сходит. Рядом с ним каждому легко становится.

А ему хорошо с музыкой. Любит ее самозабвенно, дышит ею.

И вдруг — консерватория! Толя считает, что ему просто повезло, не гаючибуль, а именно здесь, в Горловке, ровно полтора года назад начала свои занятия первая на Украине народная консерватория. Конечно, Толя стал одним из первых студентов. Дням все они трудятся на заводах, фабриках, под землей, а потом торопятся со смены не домой — повзвезд да и на боровую, — а в свою консерваторию.

Встречают их педагоги по вокалу, фортепьяно, духовым инструментам.

Директор нового учебного заведения Анатолий Семенович Голубков ведет класс баяна. Он не обычный директор — общественник. И под его началом 22 преподавателя музыкальной школы, все свое время, все свои знания безвозмездно отдающие людям.

Именно по инициативе педагогов-энтузиастов в октябре 1961 года свершилось горловское отличное подарок XXII съезду КПСС — открыли общедоступную народную консерваторию.

Писем и заявлений о приеме было так много, что не обошлось без нонюрыса. Каждая кандидатура обсуждалась не только в приемной комиссии. В консерваторию принимали самых достойных — по рекомендациям шахтчиков, завкомов, партийных и комсомольских организаций. Проверили наличие музыкальных данных, голос, чувства ритма.

На первый курс было принято 42 человека. Многие из них до этого понятия не имели об инструментах, на которых будут играть. Новые знания вызвали смешанное чувство страха, уважения и любопытства.

А уже через полгода эти же люди уверенно держали в руках построение доминантсептаккорда и обращенные интервалы, пастылали сопранедно.

Сейчас на втором курсе занимается и Анатолий Рунацов. Мы познакомимся с ним на занятиях по музыкальной литературе. Много теплых слов говорили в Толю адрес преподаватели. Парень он талантливый, энергичный, любознательный. У него всегда есть свежие номера музыкальных журналов, новые ноты или пластинки. Всем этим Толя щедро делится с друзьями. Это он первый предложил бесластно заниматься с персональными хором певчим. Ухаживать, он учит других.

Мы побывали на его уроке в первом классе. А он гор-

ловской школы. Влюбленными глазами смотрит мальчишка на своего Анатолия Нустьяича: ведь он принес им песню, а с песней — солнце и улыбки. И надо было слышать, как увлеченно распевали они свою любимую: «Пусть всегда будет солнце!» У Толи растет сын. И уже сейчас молодой отец все свободное время отдает музыкальному воспитанию мальчишка.

И где он только его берет, свободное время? Ведь, кроме консерватории, Анатолий поет в хоре Дворца культуры имени Ленина, выступает с вокальным квартетом на шахтах, стройках, заводах, успев окончить вечернюю

школу, занимается спортом — второй разряд по легкой атлетике, — ведет музыкальную работу у себя на шахте, да еще и в дружинниках состоит.

И таких в Горловке немало. Случай привел нас в семью Туболевых. С Валей Туболевой мы познакомились на занятиях второкурсной консерватории. Валя играет на кларнете. Эта низкочастотная, подминая девушка работает аппаратчицей на азототурбинном комбинате, в цехе окисления аммиака. Кларнет ей нравился давно, и она, долго не раздумывая, пошла учиться в музыкальную школу. Там удивились: единственная де-

вушка подала на духовое отделение.

А вскоре представился случай поступить в консерваторию. Сейчас Валя играет песни русских и западных композиторов, мечтает стать настоящим музыкантом, хотя профессия аппаратчицы ей тоже очень нравится.

Дома у Вали — целый ансамбль. Семейство Туболевых хорошо знают в Новой Горловке. На том же заводе работают и мать Вали, и ее сестра, и два брата: один — токаря, другой — стеклодувом в лаборатории. Вале и Мене недавно присвоили звание ударников коммунистического труда.

Что касается музыки, то

Нелегко играть Баха после напряженного рабочего дня. Руки еще чувствуют дрожь перфоратора, но забойщик Володя Федоренко забывает об усталости, лишь только его пальцы коснутся клавиш...

и ней ребята относятся не менее серьезно, чем и своим основным профессиям. Мени играет на тромбоне в самодеятельном оркестре, а Виктор набрал музыкальную специальность средним ударником — он ударник. Все трое часто со-

бывают вместе после работы помуницировать.

...Едва только солнце начинает заходить и заветы раскрываются двери лучшего в городе Дворца культуры — слышишь Ленинка. В это время начинаются концерты и спектакли, вечера и занятия художественной самодеятельности. Люди приходят минута в минуту — как на работу. Несут футляры с мандолинами, трубами, а ты и просто палку с нотами. Не иначе как вокалисты.

Их тоже немало в консерватории. Вообще в Донбассе очень любят петь — поют везде, даже в забое.

Веселый народ шахтерский! Иной раз соберутся в паровозку прямо на шахтном дворе: есть минута-другая — поют, а то и спляшут. Черные, как чирты, вылезают из забоя, только зубы сверкают. А как начнешь — совсем чистенькие, смену принимают. В это время ик и застают «артисты», как ласково называют шахтеры своих же ребят — слушатель консерватории. И вот уже одна песня сменяет другую, зрители подкаивают знакомый мотив, и дождь не стихает аллодисменты. Такие дни на шахте называют дними повышеденной добычи.

В нынешнем учебном году из-за нехватки педагогов лишь 25 человек.

Мелалоющих было много, — рассказывает Анатолий Семенович. — Но мы учили прошлый опыт, когда большая загруженность петь не позволяла составлять индивидуальные занятия. В этом году отбор был строже. А вообще мы стараемся помочь тем, кому трудно, — ведь все, кто здесь занимается, независимо от возраста и профессии, так беззаветно любят музыку!

Валентин Андреевич Сергеев перемывает вторюю мольдость. Ему скоро сорок, а он с прилежностью школьница разучивает на роле гашма. За павчана — не легкий путь простого советского труженика. Родился в глухом привольном селе Саванне. Первым парнем был на селе — гармонистом.

От девчонки отбор не было. Накануне войны попал в Сырчань, учился там на техникума. На втором курсе Украинском фронте перед боем в партию вступил. Прошел всю Европу, много повидал. Уже после армии диплом инженера-строителя получил. В Донбасс приехал по зову партии, работал начальником участка, главным инженером.

где не бывал, а музыке помнил, слушал ее часто. В глубине души теплился огонь надежды: вот бы научиться по-настоящему! Но руки отрубали от работы, да и возраст уже на тот. Ног товарищи подавали заявления в консерваторию, их поманил: где уж мне! В этом году весь уединил. Поступил — в класс попал. Играть этоуды Черны, небольшие пьесы. Подрастает дочка — и она будет учиться музыке.

В профессионально-техническом училище строителей, где Валентин Андреевич теперь директором, есть хор, оркестр.

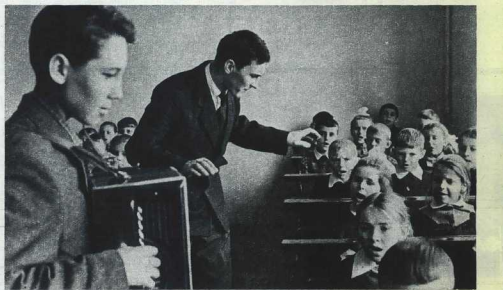
История создания консерватории, ее сегодняшнее существование тесно связаны с будущим. Здесь не только открывают и поощряют народные таланты, не только посвящают в тайны музыки.

Здесь беремно, любовно, терпеливо воспитывают человека нового, коммунистического общества, человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство и моральную чистоту.

Горюхова — сердце Донбасса. Днем и ночью нескончаемым потоком движутся по железным дорогам поезда из угля и стали, цемента и ртутью. Вышний шахтерский поселок давно уже превратился в большой промышленный центр, в красивый, благоустроенный город. Естественно, что и духовные запросы его жителей все время возрастают. Немалая заслуга в этой области принадлежит интеллигенции города. Она делает все, чтобы люди, отдающие все силы производству материальных ценностей, пользовались духовными богатствами, напоенными человечеством.

Репетирует «семейное трио» Туболовских.

«Пусть всегда будет солнце!»

Ансамбль аккордеонистов можно встретить не так уж часто. В Горловке такой создан, им руководит общественный директор консерватории Анатолий Голубков.

...Вечером их ждет консерватория.

В номинала этого учреждения удивительные разносторонние «скульптуры». В шкафах, на столах, на стенах, на хитроумные колыбы, мензурки, арифмометры, электронные приборы, фотоаппараты, микрофоны, манометры городских улиц... Впрочем, анализистам немудрено здесь встретить людей самых различных профессий — физики и бухгалтеры, биологи и юристы, химик и специалист по автобусу.

В области аналитики сложилось над рукописями, монографиями, приборами. Тщательное изучение монотонное постукивание метронома да шлоест странная. А за этой академической тишиной — клубки человеческих страстей и судеб, трагедии, преступления, роковые ошибки и несчастные случаи... Люди в белых халатах в сотнях Вильясовского научно-исследовательского института криминалистики — терпеливо размышляют эти клубки. Самые запутанные, совсем, казалось бы, безнадёжные. Разматывают с помощью науки и новейших достижений исследовательской техники.

РЕНТГЕНОВСКИЕ ЛУЧИ ДЕЛАЮТ ОТКРЫТИЕ

Рано утром на территории мюзеза был найден труп девушки. Прибывшие вместе с работниками милиции эксперты установили, что неспокойно часов назад ей были нанесены удары ножом в грудь и в шею.

Возле убитой обнаружены следы ботинки. Силы с нитках преступника и увидели, что обувь преступника имела одну особенность: сечетый рельеф подошвы. Кто же носит такую обувь?

В беседах с местными жителями выяснили, что организм нестела спавшей Кенхатас набивает на свои ботинки резину, что больше носилась. У него прощались обсыки и нашла ботинки, побитые технической резиной. На ее поверхности был рисунок, подобный отпечатку следа возле убитой.

Казалось бы, все: Кенхатас разоблачен. Однако упорно отрицал свою причастность к преступлению. «А, ботинки мои... завяжи они...», — но вчера я не надевал их. Это подтвердили, и сами работники института криминалистики. Они установили, что сетка на подошве

найденных ботинок чуть-чуть не совпадает с рельефом следа оставленного на земле. Чуть-чуть — и привая упрек ставается лишь несвоевременно, недостаточной для обвинения.

Снова обсыки в доме Кенхатаса. И ни одной пары обуви, побитой резиной. Но эксперты «не выпускают из рук салоги, тудили, ботинки». Ведь отпечаток на земле — единственный след оставленный преступником.

Криминалисты обратили внимание на пару ботинок на микропропистой резине. В общем-то, ботинки как ботинки. Но почему подошвы побиты гвоздями, ведь обычно микропористка приклеивается? — Ваши! — спросили Кенхатаса.

Мои... сплюснута отпечатки организм. Исследование гвоздей и отверстий под ними показало, что данная обувь имела еще и вторую по-

дошву. Как же выясните, что это за подошва, какова ее поверхность? Не совпадает ли ее рисунок с искомым? Однако подошвы нет, она сорвана, а на поверхности именькошей не осталось ни малейшего следа: ведь микропропа, как всякая резина, пластична...

Туда, куда не промывает взор человека, свободно проходил рентгеновский луч. Рентген заглянул — внутрь резины и увидел в ней участки с более или менее упругой структурой. Причем эти участки чередовались в строгом порядке: сетку. И вот этот-то невидимый глазу рисунок тонкой, линия в линию, совпал с отпечатком следа возле убитой. Так преступник был изобличен при помощи и неопровержимыми доказательствами. Его постигла заслуженная кара.

А на вооружении криминалистов была принята разра-

ботанная вильясовским новая методика исследований с помощью рентгеновских лучей.

ТРАГИКИ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

Рентгеноструктурный анализ начал использоваться в исследованиях всего несколько лет назад. Но он уже считается старым, заслуженным методом. Потому что криминалисты применяют все новые и новые способы исследования.

Не так давно под Вильясовском произошел такой случай. Машину, сбившая человека, уличили. Тщательно осматрив одежду на пострадавшем, обнаружены в ней «минус титани»: не хватало нескольких ниточек. По рутным листам выяснили, какие машины и в какое время проезжали по дороге, и приступили к их осмотру.

И вот на первом банпер одного из грузовиков обнаружены ниточки, которые по фактуре и длине совпадали с «минусом титани». Но не оказалось ли это совпадение случайным? Могу же, например, носить костюм из того же материала другой человек, сопоставившийся с этой машиной. Сназем, шofer, механик гаража, грузчик на складе, откуда выехал автомобиль.

На одежде сбитого остался и ед-

СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ

БЕЧЕФОМ
ПРОСАК
БАБОТ

По просьбе «Семьей» редакцией был найден труп девушки. Прибывшие вместе с работниками милиции эксперты установили, что неспокойно часов назад ей были нанесены удары ножом в грудь и в шею.

ЧЕТЫРЕ АЛМАЗА

Рассказывают, что на родине шахмат великий восточный был таким искусным игроком, что за всю свою долгую жизнь испытал горечь лишь в четырех поражениях, проиграв мудрейшим из мудрейших. В знак уважения победителя великодушный восточный принцаз поставил в шахматную доску четыре алмаза на две клетки, как был «заготовлен» его король (см. рисунок).

После смерти восточного его сын, бездарный шахматист, решил проверить способность мудреца за поражениями, которые они нанесли его отцу. Он повелел им разделить шахматную доску с алмазами на четыре совершенно равные (по размеру и форме) части так, чтобы в каждой из них был один алмаз. В случае неудачи мудрецов ожидала смертная казнь.

Мудрецы решили задачу. Не найдете ли вы единственное решение этой задачи, найденное древним мудрецом?

Поездка по городу

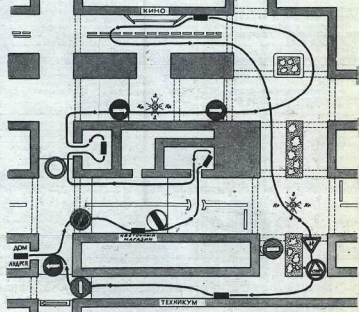
Андрей вывел из гаража «Загорюшка», сел в машину и выехал на улицу. Вначале он отправился в цветочный магазин за букетом, а потом поднялся и дому напротив, где жила его невестка. Но Иван дома не оказалось: она была в поезде. Андрей отправился в ту же сторону.

Хорошо, что ты в автомобиле, — обрадовалась Лида, — а то я озадачиваю в

технику! Но давай еще заедем в кинотеатр за билетами на вечерний сеанс. Они купили билеты, затем Андрей отпустил Лида в техникум и вернулся домой.

После этого Лида вместе с остановкой автомобиля отме-

чены черными прямоугольниками) и определять, в каких местах нарушил Андрей правила движения. Каков должен был маршрут его поездки по городу, если бы он не остановился на указании знаков?

КАК Я БЫЛ РОБИЗОНОМ

РАССКАЗ

ва заметный след автомобильной краски. Но как определить состав краски? Судить о составе по обычным химическим путем невозможно. Краска, нанесенная ударом, переходит в негодное состояние и не растворяется. Бесследен был в том случае и анализ, проведенный после исследования краски в рентгеновских лучах — требуется не меньшее количество вещества. А такое «большое» количество редко остается в индустриальном состоянии в этот раз.

Тогда радиологический институт нашел другой метод — метод люцинографического анализа. Лучи элктронного, проходя через исследуемое вещество, отражаются от грани кристаллической решетки этого вещества несильными самостоятельными пучками под углом, определенным углом. Направление этих пучков и величину угла бесозвучно говорит структура вещества. Так выясняется состав краски по малейшему ее следу.

Электронно-радиационный анализ показал, что след краски на одежде сбитого человека оставлен взят под подозрением грузовец. Тогда в лаборатории радиологического института заключение аэрофото — он тут же составил и представил.

В помощь криминалистам приходит и кибернетика (например, для быстрого нахождения преступников-рецидивистов по отпечаткам пальцев) и инфракрасное облучение. Именно с помощью инфракрасных лучей было проведено одно из «мирных» исследований вильямсонею университета. Здесь хранятся математические рукописи XVI—XVII веков. Однако прочесть их было невозможно, так как чернила давно выцвели. Криминалисты с помощью инфракрасной люминесценции «ослепили» древние документы и сняли с них фотографии. Благодаря этой цели были рукописи стали доступными для всех.

ЛОГИКА ПЛЮС ЗНАНИЯ, ПЛЮС ТЕХНИКА

—Выходит, времена Шерлока Холмса прошли? Главное теперь в расследовании — это умение логика, а наука? — спросил я ученика-любителя криминалистики Александра Штрэмса.
—Нет, почему же. Логика, конечно, остается нашим помощником. Но теперь у нас, если уж и даль-

ше пользоваться морской терминологией, много и других «анализирующих» приборов. Научные знания, отличное техническое вооружение, знание о особенностях различных преступности — все это помогает нам точнее искать пути и истинные. Во всяком случае, к нам теперь гораздо быстрее, чем в старые прославленные годы романа Поля Дюбуа, приходят в прижитый волею пожар. Надо сказать, что для нас, криминалистов, пожар имеет одну специфическую особенность: почти всегда сгорает в первую очередь те предметы, которые и явились непосредственной причиной возникновения огня. Спички, сигареты, промасленная ветошь, материалы, контактировавшие с наружением противопожарных правил.

Так было и в тот раз. В одном из помещений горела все, в том числе и электрочасы. Следовательно все свое устремил я в сторону, что помню, возник именно из-за печи, оставленной на ночь включенной одним из работников склада. Мы должны были или подтвердить или опровергнуть предположение. Но как это сделать? Печень звать не!

В архивах разыскал старую, завалявшуюся фотографию помещения. А на ней увидели печку. Правда, изображена была простейшим. Но одно-то и помогло нам найти истину. Ну, во-первых, наши фотоларанты увеличили изображение настолько, что мы смогли увидеть печь в натуральном величину. Затем измерили диаметр электрострелы и в сравнении от нее до окружающих предметов. Далее по формулам теплотехники мы рассчитали, что фанера, хранившаяся в складе, могла загореться лишь в течение часа после включения печи. А как раз в это время и был замечен дым в помещении.

Таким образом, суд мог совершенно точно установить, что именно включенная электрочасы послужила причиной пожара.

Как видите, — закончил свой рассказ Штрэмс, — одной «шерлокховской» логики оказалось мало. Для доказательства потребовалось искусство фотографа, современная аппаратура, знания физики.

П. ВОЛИН

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 11

ТОРТ ИЗ НАШИ

Проще всего получить «торт из наших» посредством трех промежуточных слов: КАША — КОУР — ТОРТ.

«ЧУДО И НЕЧУДО СТЕВИА»

Цепь вращаться не будет. Правая и левая части цепи на наклонных плоскостях уравновешивают друг друга, хотя они и разного веса. Дело в том, что шары здесь падают не вниз, а влево, следовательно, будут двигаться меньше, чем меньшие углы наклона. Это знаком с основами механики, кто помнит, что, согласно закону действия сил на наклонной плоскости, оба участка цепи в нашем случае должны уравновешивать друг друга.

«ОДНА ИЛИ ПЯТЬ»

Решение задачи одно:

«ДАЧИ В НОСМОС»

Друг дачника, хоть и шутил, говорил правду. Если бы дачник выбрал точку земной поверхности и пошел бы в длину земного радиуса ближе к солнцу, чем в момент наблюдения, наблюдатель может легко убедиться в этом, набравса соответствующий заряд.

сколько в себе помню, меняли все вокруг уверяли, что я не умею жить. Мне

А с детства доказывали, как все это глупо и не редкость складный мам, что у меня все валится из рук и что никогда я не найду девушку, которая согласится выйти за меня замуж. Позже все эти тезисы, но исключением последнего, повторила моя жена. В конце концов я поверил в то, что действительно не умею жить, и начал думать о том, как-то лучше.

Наконец жена решила, что мне необходимо провести отпуск в Деревне. Она сказала, что люди, продающие отпуск в деревню, буквально прожорли заголо. Асс, река, мычание коров и запах сена буквально их преобразуют, делая энергичные, сильные и даже самодовольные. И когда мы поехали в деревню, мне стало понятн, что это мой последний шанс стать человеком.

В первый же день отпуска в испорченном состоянии простудился в реке, чуть не надорвался, таская воу из колодца, и чудом спасся от хозяйской коровы, которая, напевая, протискивала за мой резадор. После этого я сблизился себе отличное местечко на сеновале и вылезал там круглые сутки с перебранкой на елу. Это, быть может, и не было самым энергичным, сильным и самодовольным, но зато доставляло подлинное удовольствие, хотя совершенно выводило из себя жену.

Несколько мила я жила этой полнокровной жизнью, пока мой приятель Петя, который тоже проводил свой отпуск в Деревне, не предложил совершить с ним вылазку в лесу. Петя решил в это последнее время был неважный аппетит, и Петя сказал, что легкая прогулка по лесу подействует на мой аппетит, как кнут на ленивую лошадь.

Мы долго бродили по узким тропинкам и беседовали о всякой всячине. Петя мне поведал, что за неделю он успел очень полюбить этот лес. Теперь он здесь коротко знаком с каждым деревом и «на ты» с любым комаром. Он добавил, что в этом лесу не сможет заблудиться даже голышый ребенок.

—Завяжи мне газза, — расхвастался он, — и через минуту я выведу тебя на дорогу!

Восхищенный, что мне заблудился, я пока еще не высказал этого воу, но по все мне настоячивым предположением Петя завязать ему газза догадался, что наш лес опасен.

— Не пойти ли нам домой? — предложил я, приставляю глядя на него.

—Домой? — удивился Петя. — Зачем? Этот лесу так хороши, что мне что-то не хочется идти домой. — Может быть, ты потерял дорогу? — так, между прочим спросил я.

Петя весело расхвастался. — Да завяжи мне газза, — начал он и бойко закончил: — Впрочем, можно не завязывать. Как с тобой братчик, нам прямо заблудились. Но это пустяки. Ночью ориентируемся по звездам.

Одна мысль о том, что вместо того чтобы блуждать по сенокосам и полям, и читать хорошую книгу, я должен ночью ориентироваться по звездам, привела меня в ярость. Я завяла геть, что он, самый глупый человек в обществе, куда он влезет своей женой, и потребовал, чтобы он немедленно доставил меня до-

мой. На это Петя ответил, что мне повезло — он именно так выражался, — да, мне повезло, что я заблудился именно с тобой.

—Считай, что ты уже дома, — заявила он, — с таким человеком, как я, нигде не пропадешь!

Часа через два я уже еле волочил ноги и с тихой безнадежностью плелся за этим типом, который останавливался около каждого дерева и камыша, что он это деревню поминал.

— Вот на этой ветке, — утверждал он, — я вышла свой пиджак! — Мне казалось, что было бы лучше, если бы на этой ветке повесил бы его самого, но у меня не было сил возразить.

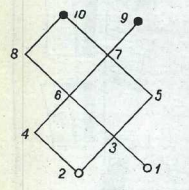
—Смотри! — неожиданно выкрикнул он. — Дом! Я тебе говорил, что со мной не пропадешь!

На полянке стояла небольшая хищница. Петя радостно сообщил, что он знает это место, здесь иногда живет аскарик и отсюда до нашей деревни рукой подать — километр двадцать. С этими словами Петя свалился на землю и завопил, что он вывихнул ногу.

Я присел рядом и выразил ему свои соболезнования. Затем дождавшись эту пятиминутую тушу до хищницы и всталом ее на топчик. Петя стояла, хныкала, визжала, когда я случайно догадался до его ноги, потом самым громким голосом его раздеть и в заключение потребовал, чтобы я его накормил.

А то я что-то проголодался! — поспешил он.

Я хотел было возразить, но тут заметил в углуб небольшой шкафчик. Открыл — и не поверил своим

ПОМЕНЯЙТЕ МЕСТАМИ

Две белые шапки стоят на точках 1 и 2, а две черные — на точках 3 и 10. Поменяйте местами белые и черные шапки, передвигая в каждом уголке чередование, но по линиям, начерченным на рисунке. Задача разрешима, если соблюдать два условия: шапки разных цветов не должны размещаться на одной прямой линии; за один ход шапка может перемещаться только в одном направлении, то есть двигаться прилично.

Найдите наименьшее число ходов для решения этой задачи.

им глазами шесть банок мясных консервов, рис, сахар, чай! Вот это сюрприз!

Посоветовавшись, мы на правах Робинзона решили воспользоваться этими с собой свалившимися алмазами. Петя поручил мне соскочить с ручья за водой, зарубить дрова и накормить его горячей пищей.

Я привнес ведро воды и раскопал комоду, которая оказалась у гробовца, причем первым же ударом топора отсек подошву от своего ботинка. Не знаю, как это мне удалось, но я это сделал. Потом я слышал от одного изстоящего ардессака, что это был удар высокого класса, доступный только подлинным мастерам своего дела.

Три дня, которые мы прожили в этой хижине, прошли довольно весело. С утра Петя начинал скакать, что я за ним плохо ухаживаю и неуклюже кормлю и что при таком уходе его ноги скоро на загниют. Затем он начал хныкать, что ему холодно, и я бежал рубить дрова для печи. Он требовал, чтобы в печь делился его большой ноги я мыл ноги и украшала цветами и травами комнату. Пока я из последних сил бежал и надрывался, Петя вылезал на эфефе и читал книги, которые нашлись на эжежерке, и только время от времени просил меня не шуметь, потому что я мешаю ему сосредоточиться.

Я долго терпел, но когда он заявил, что я должен его искупить и выстирать его белье, мое терпение лопнуло. Взявкнув на свои подковы своиими мохляыми лапками, я посоветовал Пете искупаться в ближайшей дождевой луже и сказал, что немедленно иду искать дрову.

Ааааа, эади,— вздыхая, соглашались он.— Только далеко не отходи и не заберишься случайно в ту сторону, где болото.

Я сказал, что поеду именно в ту сторону, где болото, о котором Пете уже несколько раз вспоминал, закрывая от ужаса глаза.

Попытка болото, конечно, не было. Минут через десять я добрался до опушки и увидел луг с коровами, реку и за ней — нашу деревню. Я задохся, отсыскал хорошую плаку и пошел обратно с самыми мирными намерениями.

Тюфяк был пуст. Петя исчез. На столе лежала записка: «Моя нога неожиданно выскочила. Ура! Привет, дружище! С таким человеком, как я, не пропадешь!» Жена встретила меня так, словно я вскочил на минутку за сигаретами. Осмотрев меня и убедившись, что я жив, ухмылялась и потребовала, чтобы я пошел в избушку и привнес эзосский гипюр, кастрюлю и книги, которая она взяла в колхозной библиотеке. И добавила, не давая мне раскрыть рта:

— О сеновале забудь! Когда придешь, наколешь дрова и наполнишь вот эту бочку водой из колодца. Вечером будем вместе с Петей поправлять огород.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

Рисунок В. АРСЕНЬЕВА и В. ЛОЗОВСКОГО

ШУТКИ-МАЛЮТКИ (Иностраный юмор)

БОЛЬШОЙ ВЫБОР

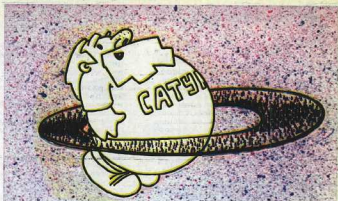

В магазине входит покупатель и просит показать ему пару перчаток.
— Наного цвета, сэр? — спрашивает продавец.
— Бюде с моллоном.
— Пожалуйста, — говорит продавец и, направившись к полке, уточняет: — Протните, с сахаром или без?

СНОЯКО СТАЮТ ГАММЫ

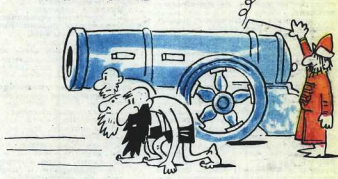
— Кристина, — сказала отец дочери, — если ты будешь ежедневно играть гаммы, я буду давать тебе по два злотых в день.
— Сосед предлагает мне четыре, если я не буду играть.

КОСМИЧЕСКИЙ ХУДА-ХУП

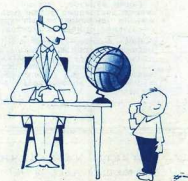
Рисунок Г. ОГАНЕСОВА

ИЗ ИСТОРИИ СПОРТА

СТРЕЛЯЩИЙ ЗАВЕГ...

Рисунок С. ЮКИНА

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рисунок Д. ЕРМИШИНА

КОМИССИЯ ПО ПРИЕМКЕ НОВОГО ДОМА ЗАКОНЧИЛА РАБОТУ...

Рисунок Р. ОБВИЯНА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-86, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

коммутатор Е 1-70-20

Для справок — доб. 2-42; отделе литературы и искусства — доб. 3-15; отдела и публицистики — доб. 3-52; междугородной связи — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; отделе и юмора — доб. 4-79; индекс — доб. 55; книги и тексты — Е 7-65-62; информации — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-52.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовская, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевская, Е. И. Рябчиков, В. И. Самохин (заместитель главного редактора), А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор П. Вудкина.

А 00101. Подписано и печатно 7/VI 1983 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1081.
Завказ № 1395. Формат бумаги 70x108/8.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

И НА РА ВЫШЛА... ИЗ СЕР В

Ио правде говоря, отправившись на объект из окрестностей Москвы, в Тушину, мы никак не предполагали, что, пройдя несколько шагов от трамвайной остановки, очутившись на строительной площадке Асуанской плотины на Ниле. А рядом раскинулись «берега» Ангары и Енисея, Оби и Кабула...

Отличный зал, куда мы пришли, похож на заводской цех. Здесь так же шумно, но не от гудя станков, а от текущих, бурлящих, бушующих потоков воды. Мы в отделе гидравлических исследований института Гидропроект. Именно в этом институте создаются проекты строительства крупнейших гидротехнических сооружений, которые возводятся и в нашей стране и за рубежом.

Здесь эти проекты не только вычерчивают на ватманских листах, но и получают свое воплощение в материале. Правда, это все еще лишь модели, но они сооружены не для показа, но для работы. Люди о них ни серьезные, со средоточенными: они проводят важные исследования и эксперименты.

Естественно, нас заинтересовали вопросы «зачем строить гидроэлектростанции, проверять на моделях? Нельзя ли соорудить их на основе уже накопленного богатого опыта?»

Эти вопросы мы и задали заместителю заведующего отделом Александру Дмитриевичу Халтурину.

— Рассчитать гидротехническое сооружение так, нам рассчитывают детали машин и конструкции, невозможно — ответил он. — В нашем деле наука не дает точного ответа, универсального решения на все случаи жизни. Если вы даже знаете, каково русло реки, сила и характер течения, каково геологическое строение ее берегов и, наконец, каково должно быть электростанция, наука укажет вам лишь общие принципы проектирования. В каждом случае необходим эксперимент, надо проверить, побороться. Естественно, строить ГЭС и на ней проводить расчеты — дело сложное, дорогостоящее, тем более что повторить полученный результат не повторяются.

Наши читатели знают о том, что на берегах Нила строится крупнейшая в Африке Асуанская плотина гидроэлектростанции. Здесь, в Тушине, мы видели площадку этого строительства как бы выскочив птичьего полета, русло Нила, скановые берега, сделанные из бетона, здания ГЭС — шестидесятиметровых тоннелей, «пробитые» в скалах, по которым вода течет и турбины. Все это уменьшено в сто двадцать раз. И все же модель занимает значительную часть зала.

— Представьте земную плотину? Куда направить водосбор, чтобы он не вредил зданию станции? Сколько воды пройдет через тоннели? Какое сопротивление и каков напор она должна будет выдерживать? Как заполнить водохранилище, чтобы не оставил пол без орешин? Все эти, казалось бы, неинтересные вопросы «пробить» лишь для нас — людей посторонних и несведущих. Для

специалистов здесь масса неочевидных сложных проблем, которые они выписывают не только с помощью логарифмических линеек и счетных машин, чертежей и справочников, но и на моделях — миниатюрных ГЭС и их отдельных узлах.

Модели здесь несомненно. Там же, как на чертежах, общие виды машин вычерчивают в мелком масштабе, а отдельные части и детали — в более крупном, так и модели — разных масштабов.

Вот, например, водосбор. На общем плане из-под здания станции вытекают довольно спокойные струйки. Но рядом бушует серьезный поток — одна двадцатая того, что будет на самом деле. Смысл прозрачных стенок отверстия водосбора мы видим в виде мельчайших воздушных шариков, образующихся в быстрой, бурлящей потоке воды. Они оживоточены бомбардируют стенки, незаметно подтачивая их. Это навигация — явление крайне опасное, особенно в больших сооружениях, и если уже в проекте не предусмотреть необходимых мер, бороться с ним будет невозможно: оно разрушит сооружение. Но выявлять его, свести до минимума можно. Пути борьбы с разрушительным дей-

ствием навигации исследуются на этой модели. У стенок поварные шарниры подтверждают десятки миллиметров. По их показаниям проектировщики подбирают наиболее благоприятную форму выходного отверстия.

Рядом с моделью водосбора Асуанской ГЭС — модель строительного водосбора плотины Братской электростанции. Там навигация оказалась несколько неочевидное действие, которое не удалось предвидеть с самого начала. Теперь работа воды на этом участке сложного организма электростанции исследуется заново, и затем в сооружение будут внесены необходимые изменения.

— Нам виднее, — говорит Александр Дмитриевич, — вопросы, которые возникают перед проектировщиками и строителями, настолько сложны, что эксперимент в нашей работе приобретает колоссальное значение. Думая, не меньшее, чем в поисках, скажем, авантюристов, испытывающих модель будущей машины в аэродинамических трубах.

Инженер Александр Михайлович Прудоский, работающий над проектом ГЭС Нягу на реке Кабула в 25 километрах от столицы Афганистана, привел нам такой при-

мер: в обход гидроэлектростанции, которая перегорит русло реки, под горой пробивается тоннель восьмидесятиметрового диаметра. По тоннелю под огромным напором пойдет поток, скорость которого достигнет сотен метров в секунду, или около полутора тысяч кубических метров в час — быстрее современного ньюарского поезда. Не исследова поведение воды на модели, строить такой тоннель нельзя, тем более что геологические условия там сложные: большие свечения пород, раздробленность, трещины.

Гигантское энергетическое строительство, которое ведет наш народ — одно из серьезных условий создания материально-технической базы построения коммунизма. Размах его уже сейчас удивил мир. Но с каждым годом оно будет шириться все больше. И 1960 году Советский Союз должен произвести в полтора раза больше электроэнергии, чем теперь имеет все остальные страны. Это значит, что электростанции произведут всю нашу жизнь, все производство и быт. В претворение этого грандиозного плана в действительность немалый вклад вносит инженерное и научное институты, в котором мы только что побывали.

На Киевской ГЭС в отличие от большинства гидроэлектростанций, где вода падает на лопасти турбины сверху, будет установлена горизонтальная турбина. Ее исследо-

ванием заняты инженер Эра Ивanova и руководитель отдела турбинных блоков института Гидропроект Станислав Горбачев.

Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

О том, как создаются проекты грандиозных сооружений современности — гидростанций, — мы рассказываем в репортаже «Экскурсия «Сочи», который вы можете прочитать на 3-й странице обложки.

В каждом проекте ученые и инженеры сталкиваются со множеством проблем, которые они исследуют на моделях. Слева вы видите одну из лабораторий. Здесь разместились миниатюрные «строительные площадки» многих будущих ГЭС.

По «водохранилищу» одной из них медленно плывут «лодочки» с горящими свечками. Их пустили Галина Самарнова и Галина Соболева, чтобы выяснить, каким будет течение воды.

Как грудь большого, прослушивает стену модели старший лаборант Владимир Пузырев. Он и в самом деле исследует одно из наиболее болезненных явлений в гидросооружениях — навигационные эффекты — образование вихревых воздушных шарниров в бушующем потоке воды, бомбардирующих стенки и стремительски подточить и разрушить все сооружение.

Первая страница обложки: Модель Асуанской ГЭС. Старший лаборант Роза ГАЙДУЛОВА проверяет скорость потока в низовом канале.

Экскурсию вели наши репортеры
В. ВАСИЛЬЕВ и В. САКК

